Проект

Автор:
Кортни Саммерс

Проект

Кортни Саммерс

Young Adult. Дожить до рассвета. Триллеры

Девятнадцатилетняя Ло Денэм привыкла быть одна. После трагической гибели родителей она осталась со старшей сестрой Би. Но шесть лет назад Би бросила ее и присоединилась к загадочной благотворительной организации под названием «Проект Единство».

Однажды Ло получает уникальный шанс взять интервью у лидера «Единства» Льва Уоррена. Она надеется, что эта возможность поможет узнать о судьбе своей сестры.

Ло предстоит раскрыть страшную правду об истинных целях организации и о том, что случается с ее участниками.

Успеет ли она спасти Би, пока не стало поздно?

«Смелая, жесткая, захватывающая и мудрая книга о девушках и женщинах, силе и слабости и сладостно-горькой красоте человеческой жизни». – Мелисса Алберт, автор бестселлера «Ореховый лес»

«Полный восторг от начала до конца. Я не могу представить себе другого такого писателя, как Кортни Саммерс, которая каждый раз попадает точно в цель». – Кара Томас, автор романа «Где скрывается правда»

Кортни Саммерс

Проект

Посвящается мне

THE PROJECT

Courtney Summers

The Project. Copyright © 2021 by Courtney Summers

All rights reserved.

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

1998

В ожидании родителей она сидит в гостиной миссис Рути, ест арахисовое печенье миссис Рути и глядит в окно миссис Рути.

Отсюда Би видно весь ее дом – погруженный во тьму, с запертой входной дверью. Деревянные качели во дворе раскачивает летний бриз. Подъездная дорожка пуста. От тоскливого вида сводит живот, однако не настолько, чтобы Би перестала лакомиться вкусным и мягким печеньем. Ей хочется быть там, где, по словам папы, сказанным миссис Рути перед уходом, происходит самое интересное. Би не отпустила его без боя. Она кричала и цеплялась за папины

ноги, точно дикий зверек. Ошеломленная миссис Рути испытала огромное облегчение, когда истерика сменилась печальными всхлипами. Тогда-то Би и задобрили печеньем, а папа опустился перед ней на колени и поцеловал.

– Я бы взял тебя, Жужжа, с собой, если бы мог.

Жужжа – одно из папиных прозвищ Би[1 - Игра слов. Героиню зовут Би (англ. Bea) – «пчела». – Здесь и далее примечания переводчика.]. Пчелка, Трудяжка, Жужжа. Она ждала обещания: «Мы с мамой заберем тебя вечером». Не дождалась. Сейчас папа в больнице. Там появляется на свет сестренка Би. Раньше ожидаемого срока, до которого остался еще целый календарный месяц.

Би шесть лет, и она уже достаточно взрослая, чтобы понимать, что значит быть старшей сестрой. Она часто видела таких по телевизору, да и у ее лучшей подружки Эллен есть сестричка. Если ты старшая, значит, родилась первой. И ладно, если бы на этом все и заканчивалось. Но есть то, что довольно тяжело принять. Понаблюдав за Эллен и девочками с младшими сестрами, Би запоздало, но ясно поняла: она не хочет быть старшей. Сейчас родители больше всего любят ее, и она хочет, чтобы так было всегда.

* * *

Би проводит неуютную ночь в гостевой миссис Рути. Соседка уложила ее вечером не так, как родители, и на следующее утро, когда папа, уставший и напряженный, приходит за Би, она лупит его кулачками: она делала так трехлетней в ответ на слова, которые не желала слышать.

Папа ловит ее запястья и мягко сжимает:

– Нельзя бить людей, Би, ты же знаешь.

Из ее глаз брызжут слезы. Папа берет Би на руки и спрашивает, что случилось.

«Ты оставил меня с миссис Рути и забыл моего медвежонка, и я не хочу сестру», – хочется ответить ей, но она молчит.

Папа благодарит миссис Рути за помощь и несет Би домой. Он опускает ее на пол в прихожей, и она стремглав бежит в детскую, но сестренки нет, и Би успокаивается. Она зовет маму, но мамы тоже нет в доме.

– Они в больнице, – говорит папа.

Там, где происходит самое интересное.

Они едут к маме. Ее вид удивляет Би: она выглядит так, будто ребенок все еще в животе. Мама обнимает свою Пчелку и ждет от нее ласковых слов. Би молчит.

– Пойдем посмотрим на твою сестренку, – наконец произносит мама.

– Я не хочу сестру! – кричит Би. Садится на пол, скрещивает руки и недовольно выпячивает губу.

Родители обмениваются беспомощными взглядами. Папа подхватывает Би на руки, но она хочет, чтобы ее несла мама. Но она не может: у нее внизу все болит и наложены швы.

Еще одна причина ненавидеть новорожденную.

Сестру держат в особенном месте. Во всяком случае, так объясняют родители. «Это потому, что она не могла дождаться встречи с тобой и родилась раньше срока», – говорят они. При слове «особенный» Би представляется красивая комната в нежных тонах с блестящими украшениями. Но после мытья рук родители приводят Би в страшное и холодное помещение. Малышка лежит внутри прозрачной коробки, обмотанная трубками, которые крепятся на ее крохотном носике.

Это настолько ужасно, что Би начинает плакать.

* * *

– С грудничком будет непросто, – говорит мама Би, когда они вернулись в семейную комнату. Но и здесь невозможно отделаться от ощущения, что ты в

больнице.

Би сидит с мамой на потертом диване, прижавшись к ней и положив голову на налитую грудь.

– И тебе с сестрой тоже будет непросто.

Би не хочет этого слышать. Она хочет слышать, что будет легко и ничего не изменится.

– Но я надеюсь, – продолжает мама, – что в твоем сердце останется место для любви к нам с папой.

В глазах Би отражается вопрос, и мама объясняет, что связь между сестрами не такая, как между детьми и родителями. У Би с сестрой будут совсем другие отношения. И личное, разделенное на двоих пространство, полное секретов, которые они никогда не расскажут, разве что на языке, известном только им двоим.

– Ты и сестра – это обещание на двоих, которое только вы вдвоем можете выполнить или только один из вас может нарушить.

Они возвращаются в страшное и холодное помещение, и Би внимательно разглядывает сестру. Невероятно маленькую и хрупкую. Должно быть, та чувствует рядом близких: ее ножки и ручки слегка дергаются в их направлении. На плечах Би лежат ладони родителей. Папа спрашивает, хочет ли Би назвать девочку. Би надолго задумывается – хочет ли? И тут имя, произнесенное внутренним, но не принадлежащим ей голосом, молнией проносится в голове. Наверное, пришло из того места, о котором говорила мама, полного пока еще не раскрытых секретов. Оно звучит на новом языке, известном только им с сестрой, – обещанием на двоих.

2011

Би стоит над телом младшей сестры. Оно утыкано трубками, приклеенными к коже хлипкой медицинской лентой и подключенными к машинам, ритмичные и несмолкающие звуки которых – единственное доказательство жизни сестры. Аппарат искусственной вентиляции легких помогает ей дышать.

Дышит за нее, – поправляет себя Би.

Поскольку сама Ло не дышит.

Части тела, видные под всей этой медицинской паутиной, выглядят как помятый фрукт. Из тех, что выкидывают, даже не разрезая. Протянутая рука Би зависает над ладонью Ло. Би боится дотронуться до нее, боится своим прикосновением задеть и потревожить тонкую нить жизни сестры.

Я запрещаю тебе умирать!

Би была в кино с Грейсоном Келлером, когда это произошло. Смотрела «Нечто» – фильм про обреченную команду полярников на научно-исследовательской станции в Антарктиде. Те не придумали ничего лучше, как по одному заливать кровью экран, пока рука Грейсона шарила по груди Би, а потом, несмотря на ее возражения, залезла в трусы. Она не знала, на какой сцене фильма во внедорожник родителей влетела фура, столкновением убив обоих на месте, и не знала, бежали ли по экрану титры, когда Ло доставали гидравлическими ножницами из искореженной груды металла. Би выключила телефон по вежливой просьбе работника кинотеатра и забыла его включить. Потом Грейсон потащил Би на вечеринку, где она постаралась, чтобы он увидел ее зажатой у стены другим парнем – тем, который не распускал руки и не пересекал границу дозволенного.

По дороге домой, ближе к полуночи, Би показалось странным, что родители ей не пишут. Да, она уже вышла из того возраста, когда надо возвращаться домой к установленному родителями часу, и они ничего с этим не могли поделать, но Би теперь больше прежнего обожала находиться там, где происходит самое интересное, и мама с папой обычно волновались за нее.

Подъездная дорожка у дома пустовала. Входная дверь была заперта, свет выключен.

* * *

Она сама похоронила родителей, поскольку дело не требовало отлагательств. И надеялась, что все сделала правильно. Помогавшая ей во всем миссис Рути теперь целыми днями пыталась отыскать Пэтти – двоюродную бабушку Би и Ло, единственную родственницу сестер со стороны их теперь уже погибшей матери. Они никогда не виделись, но Пэтти должна была узнать о случившемся.

* * *

У сестры все настолько плохо, что убьет ее не авария, а попавшая в организм инфекция. Врачи борются с ней разными антибиотиками, и Ло так накачана всевозможной жидкостью, что у нее отекли руки, ноги и лицо. Медсестра советует Би остаться на ночь в больнице с сестрой. Если она сможет вынести это. Би не может.

– Останься все равно, – говорит медсестра.

Ло была странноватым ребенком; ее поведение было чуждо Би, а детство лишено волшебства нежданных открытий. Би бежала в мир без оглядки, а Ло и шагу не могла ступить, не имея за спиной точки возврата. Шестилетней она просыпалась по ночам и плакала из-за промокших, описанных простыней. Она шла с этим не к родителям, а к Би и выглядела такой жалкой, что Би не могла на нее злиться.

«Мне приснился кошмар», – выпаливала Ло на одном дыхании, в следующую же секунду умоляя сестру не рассказывать никому о случившемся. У Би не хватало духу сказать, что родители знают: кто, как не они, занимаются стиркой? Сестры меняли вместе белье, Ло подмывалась, и Би укладывала ее в постель. Она безуспешно пыталась докопаться до того, что так сильно пугает сестру. Как-то, лежа в чистой постели, Ло посмотрела на Би расширенными от страха глазами и спросила, боится ли она непознанного – того, что может случиться с ней. Би ответила: «Нет». Она верит лишь в то, что видит и знает.

Ло хочет быть писательницей. Би терзает мысль, что у сестры, возможно, никогда не будет шанса поделиться с другими своими историями.

* * *

Би медленно, нетвердыми шагами идет в безлюдную больничную часовню. Придавленная горем, падает перед алтарем и крестом и рыдает.

– Я сделаю все что угодно, – твердит она в пол. – Все что угодно.

Она лежит, залитая слезами. Глаза воспалены, кожа вокруг губ и носа саднит.

– Боже, – шепчет Би снова и снова, снова и снова. – Боже, я сделаю все что угодно. Пожалуйста, Боже…

И Он приходит.

Часть 1

Сентябрь, 2017

Я просыпаюсь с чувством приближения бури. Ощущаю ее не в воздухе, а своими ноющими косточками. Сквозь занавески пробивается солнечный свет. Посоветуй я кому-нибудь взять с собой зонт, меня посчитают безумной, поскольку, раздвинув шторы, я не вижу на небе ни облачка. Но тело никогда не лжет, и дождь начинается, как только я доезжаю до вокзала.

– Черт!

Я медленно поднимаю взгляд от колен и разжимаю кулаки. Водитель такси наклоняется вперед, всматриваясь через лобовое стекло в свинцовую завесу над головой. Я достаю из кошелька несколько банкнот, отдаю их таксисту и выхожу из машины. На кожу падают холодные капли. Секунды спустя дождь переходит в настоящий ливень, но я, не успев промокнуть, заскакиваю в автоматические двери здания вокзала и уже там оборачиваюсь посмотреть на менее везучих

людей, разбегающихся в поисках укрытия.

– Чтоб тебя, – бормочет ввалившаяся чуть погодя промокшая насквозь женщина. Она тащит за собой двух несчастных малышей, мальчика и девочку. Мальчонка плачет.

Я смотрю на электронное табло на стене. Поезд придет через десять минут, без задержек. Я испытываю облегчение, никак не связанное со своевременным отбытием со станции. Закрыв глаза, представляю постель, из которой с трудом вытащила свое ноющее тело, и скомканные на ней простыни, ждущие меня.

Поворачиваюсь и натыкаюсь на каменную грудь мужчины. Или парня. Затрудняюсь определить его возраст. Он может быть как старше, так и младше меня. Парень смотрит мне в лицо, и его глаза слегка расширяются.

– Я знаю тебя? – спрашивает он.

На его бледном лице лихорадочно краснеют щеки. Под карими глазами пролегли темные круги, словно он давно забыл, что такое сон. На голове сальная шевелюра из черных завитков. И сам он ужасно худой. Я никогда не видела его раньше, и мне все меньше нравится упертый в меня взгляд, поэтому я обхожу парня, ничего не отвечая. Ошибся, и ладно.

– Я знаю тебя, – бросает он мне в спину.

Я присоединяюсь к собравшейся на платформе толпе. Ненавижу предпосадочную сутолоку, нетерпеливых людей, пренебрегающих сидячими местами, предназначенными для ожидания. Дерганые пассажиры окружают меня со всех сторон, задевают плечами и локтями. Я сжимаю губы, прикрываю веки и потираю друг о друга ладони. «Обожаю» терять выходной ради посещения врача и постановки бестолкового ежегодного диагноза: «еще трепыхается».

– Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее…[2 - Новый Завет, Евангелие от Матфея, 16:25. «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее…» (синодальный перевод).]

Я несколько ошарашена странностью слов и нежеланной близостью Того, чьим голосом они произнесены. Открыв глаза, смотрю, не слышали ли их рядом стоящие. Если и слышали, то, в отличие от меня, не обратили на сказанное внимания, их взгляды устремлены на железнодорожные пути. Я решаю последовать их примеру и игнорирую неприятное присутствие за спиной, пока не получаю в нее тычок и не слышу те же слова еще ближе.

– Кто потеряет душу свою ради Меня…

Я поворачиваюсь к парню лицом.

– Слушай, свалил бы ты…

– Ты – Ло! – отвечает он.

Потрясенно замолкаю. В его глазах ни малейшего сомнения, он уверен во мне больше, чем я – сама в себе. Не успеваю спросить его, откуда он знает мое имя и где мог его слышать, так как он снова открывает рот. Его голос тонет в грохоте прибывающего поезда, но я читаю слова по губам: «…обретет ее…» Парень хватает меня за плечо, отодвигает в сторону и проталкивается между недовольными пассажирами, стоящими между ним и краем платформы. Между краем платформы и…

– Эй! – зову я его. – Эй!

Он спрыгивает прямо на рельсы. Только тогда все наконец замечают его и ждут, что он сделает дальше.

– Еще есть время! – кричит кто-то.

«Еще есть время». Порой нужно оказаться на волосок от смерти, чтобы почувствовать себя живым, ведь именно в такие мгновения хочется жить как никогда. Но чаще всего происходит другое: ты ложишься на рельсы, и на тебя едет поезд.

Парень, дрожа, поднимает голову, чтобы убедиться в его приближении.

В груди гулко колотится сердце. Отвернувшись, я с трудом протискиваюсь сквозь стену человеческих тел. Но только выхожу из толпы, как меня поглощает хлынувшая на перрон волна зевак.

Один из них кричит:

– Не делай этого!

Поздно.

Октябрь, 2017

Вот уже как год я отвечаю на звонки и электронные письма Пола Тиндейла, составляю график деловых встреч Пола Тиндейла и подаю кофе Полу Тиндейлу. Лорен напоминает мне об этом (словно я сама могла забыть), стоит мне переступить порог «СВО» – как обычно, в восемь утра, с пакетами наперевес. Я красиво раскладываю бублики, круассаны и пончики на кухонной стойке, и Лорен тут же цепляет плюшку из самого центра, разрушая всю композицию. Она, как всегда, безупречна: черные волосы стянуты в небрежный пучок; на лице стильные большие очки в черной оправе; помада ее излюбленного вишневого цвета идеально оттеняет смуглую кожу.

– С годовщиной, новичок, – бросает Лорен, аккуратно откусывает сдобу и отчаливает с кухни.

Слышны низкие раскаты грома – предшественники бури.

Я беру шоколадный круассан и иду к столу, стоящему в углу возле кабинета Пола. По пути миную рабочую зону с перегородками. Кабинки пока пустуют, но через час офис наполнят нестройные звуки: стук клавиш и шуточки. Тут тесновато, но шеф эффективно использует маленькое пространство, ограничиваясь небольшим штатом сотрудников. Два года назад Пол основал журнал на свои кровные, желая публиковать в нем «радикальную точку зрения и свежие дерзкие идеи». С тех пор и платит за него из своего кармана. Надеется, что его нестандартный подход – укоренение за пределами Нью-Йорка и

продвижение премиум-контента – в конечном счете окупится и журнал возьмет под свое крыло нью-йоркское издательство, которое позволит Полу и дальше выражать свое ви?дение. Пока же мы оперяемся, предвкушая будущий взлет. И мне радостно, что я буду участвовать в этом.

Я залогиниваюсь на компьютере и просматриваю гугл-календарь. У Пола назначена встреча в обед, с кем – не указано. После этого две телеконференции с потенциальными спонсорами.

Звонит телефон на столе. Я снимаю трубку.

– «СВО». Приемная Пола Тиндейла.

В ответ двадцатисекундное молчание, прерываемое звуком дыхания.

Посмотрев на Лорен, закатываю глаза.

– Молчун? – спрашивает она.

Я кладу трубку.

– Достала уже эта хрень. Кого он в этом месяце взбесил?

– Спроси лучше, кого не взбесил.

Захлопываю календарь, открываю раздел обратной связи и принимаюсь разбирать комментарии читателей. Нам приходят гневные послания, сообщения с конструктивной критикой и – изредка – с похвалой. Я как раз удаляю сообщение с фразой: «Пол Тиндейл – настоящий говнюк», когда он появляется собственной персоной и хлопает в ладоши.

– За работу, народ!

Его лозунг. До сих пор помню головокружительный восторг, когда впервые стала свидетельницей этого ежеутреннего ритуала. Я как-то прочитала о нем в биографическом очерке Пола в «Нью-Йорк Таймс».

Пол подмигивает Лорен.

– Черный, Денэм, – бросает он мне, проходя мимо и ударяя костяшками пальцев по столу. Это он о кофе.

Я иду на кухню и включаю кофеварку. Пытаюсь подавить смущение, вызванное тем, что Пол никак не отреагировал на годовщину работы на него. Я была вне себя от радости, когда тот самый Пол Тиндейл остановил меня после своего публичного выступления в Колумбийском университете. Ради его выступления я впервые осмелилась самостоятельно приехать в Нью-Йорк, и тут же – хоть раз в жизни – была вознаграждена: Пол предложил поработать с ним. Он сделал себе имя в двадцать с небольшим, установив взаимосвязь между рядом нераскрытых дел, что привело к поимке серийного насильника, оказавшегося восходящей звездой политической арены Нью-Йорка. А затем прославился еще больше, разоблачив всех важных шишек, знавших и покрывавших насильника. Я не колеблясь согласилась на работу с ним. Думала, в сказку попаду. В итоге год уже отвечаю на звонки и электронные письма, составляю график деловых встреч Пола и подаю ему кофе.

* * *

В двенадцать у Пола встреча с Артуром Льюисом. Мужчина, промокший с головы до ног, приносит с собой дождь. Зонтом он, похоже, нарочно пренебрег: хочет, чтобы всему миру была видна его боль. Костюм висит на нем мешком. Артур похож на юнца, забравшегося в шкаф отца и примеряющего его наряды, вот только он давно уже не подросток. На раскрасневшемся лице с резкими линиями собрались капли дождя, редеющие черные волосы прилипли ко лбу, в глазах полопались сосуды. Блуждающий по комнате проницательный и уверенный взгляд не вяжется с жалким внешним видом. Артур создает странное впечатление, словно оказался здесь не к месту, но в то же время будто только в этом месте и должен быть. Я его почти месяц не видела. В голове проносятся слова соболезнования, слабые и никчемные. В любом случае они не пригодились. Когда мужчина подходит к моему столу, меня накрывает черной пропастью его горя – и я теряю дар речи.

Я не сказала Полу, что была на станции в день смерти Джереми. Не сказала, даже узнав от него, что Артур – отец Джереми. Артур, время от времени появлявшийся в офисе, чтобы перекусить с Полом, всегда был добр ко мне.

Случившееся на вокзале не отпускает меня. Ночью, лежа в постели, я вновь и вновь прокручиваю его в голове: дождь, поезд, произносящий мое имя Джереми, его губы, медленно выговаривающие слова: «… обретет ее…» – и тяжесть его ладони на моем плече, когда он мягко отодвинул меня в сторону, чтобы закончить свой путь. Я почувствовала облегчение, узнав о родственной связи Джереми с Артуром, решила, что обо мне ему, должно быть, рассказал отец. О девушке с таким лицом, как мое. И Джереми историю обо мне не забыл. Остается вопрос: что мне делать с историей Джереми? Поведать ее Полу, чтобы он рассказал ее Артуру?

На девственно белой стене офиса есть черная надпись:

«ЛЮБАЯ ХОРОШАЯ ИСТОРИЯ ЧЕМ-ТО ЦЕННА».

В истории Джереми ценности нет, поэтому я не рассказываю ее Полу.

Артур молчит, погруженный в свою боль, и смотрит, словно раненое животное. Мы не успеваем заговорить, поскольку из своего кабинета выходит Пол. Контраст между двумя мужчинами ошеломляет. Как по мне, так внешность Пола сыграла немалую роль в его карьере. Чего я, разумеется, никогда ему не скажу. В свои сорок он не только красив, как когда-то в юности, но и брутален. Густая светлая шевелюра убрана назад гелем, аккуратная бородка ухожена. В уголках глаз и губ едва заметны возрастные морщинки. Он в прекрасной форме. Пол, как говорится, находится в самом расцвете лет. Рядом с сумеречным Артуром он сияет, точно восходящее солнце, и мне неловко смотреть на них обоих.

– Арт! – На лбу Пола обозначилась складка. – Как ты?

И тот, протянув руки, бросается в теплые объятия старого друга. Эта картина привлекает всеобщее внимание. Пол своим телом, как щитом, отгораживает Артура от любопытных взглядов, которые работники офиса не в силах от них отвести. Артур рыдает, и от этого зрелища у меня все внутри переворачивается. Пол воспринимает слезы друга спокойно, поскольку всегда спокоен как слон. Он ведет Артура в свой кабинет. Глянув поверх головы друга, просит принести им обед.

* * *

«СВО» делит здание с баром, поэтому, возможно, под обедом Пол подразумевал нечто жидкое, но я направляю стопы в паршивенькую забегаловку «Кухня Бетти», расположенную на другой стороне улицы. Там выбираю и оплачиваю две порции макарон с беконом и сыром: от названия веет чем-то домашним, и мне кажется, что Артуру нужна как раз такая еда, если он вообще в состоянии есть. Закусочная забита сильнее обычного, люди ищут убежища от непогоды стоимостью в однодолларовый напиток. Я жду свой заказ у двери, прислонившись к стене возле доски объявлений и прикрыв глаза. При каждом открытии двери у моего плеча трепещут листовки и объявления. Ножи и вилки стучат о тарелки. Над столами плывут тихие разговоры. По телевизору идет сериал «Дни нашей жизни», и я вспоминаю Пэтти, которая при его трансляции пропустила больше походов в церковь, чем самих эпизодов, хотя сильнее всего на свете любит Христа.

– Мамочка, ее лицо.

Я разлепляю веки.

– Мамочка, что у нее с лицом?

Тоненький любопытный голосок доносится слева. Я поворачиваюсь в его сторону и вижу девочку лет четырех, сидящую за столиком с мамой. Она во все глаза таращится на меня. Ее буйные кудряшки стянуты в высокие хвостики, подпрыгивающие на голове, словно помпоны.

– Мамочка, – снова спрашивает девочка, глядя на меня в упор, – что у нее с лицом?

Мама наконец отрывается от мобильного.

– Что, детка?

Она отслеживает взгляд дочери, натыкается на мое лицо, и в ее глазах отражается отчаяние. Она молча молит меня сделать вид, что я ничего не слышала, или же, ради нас обеих, сама, по-доброму, ответила бы дочке на ее

вопрос. Я смотрю на малышку, и ее глаза расширяются, а нижняя губа начинает дрожать. Мое пристальное и холодное внимание доводит ее до слез.

– Тринадцать, – кричит женщина за стойкой. Мой заказ. – Счастливое число тринадцать.

* * *

В дверях офиса меня останавливает Джефф. Он классный. Его работа – быть классным. Джефф высок и сногсшибательно хорош. У него темно-коричневая кожа и завязанные в хвост дреды средней длины. В «СВО» он работает СММ-менеджером[3 - Специалист по продвижению бизнеса в социальных сетях, пиарщик.] – звучит кошмарно! – и с неизменным мобильным в руке выглядит с ног до головы презентабельно.

– На твоем месте я бы туда не ходил, – советует он мне.

Я устремляю взгляд на кабинет босса, но не успеваю спросить, о чем он. Из-за закрытой двери доносятся крики орущих друг на друга Пола и Артура. Децибелы зашкаливают, однако, несмотря на предупреждение Джеффа, я иду на крики. Остановившись возле своего стола, смотрю сквозь матовое стекло на силуэты ругающихся мужчин. Артур возбужденно мечется по кабинету.

– Ты ни черта не слушаешь меня… и не слушал…

– Арт, я сделал все, что мог…

– Чушь собачья! Они убили моего сына!

В офисе мгновенно воцаряется тишина.

Разговоры обрываются, пальцы зависают над клавишами. Все замирают.

Дверь кабинета Пола распахивается, и на пороге появляется разгневанный Артур. Ярость заполнила разверзнувшуюся в нем пропасть, и теперь он выглядит странным образом цельным. Артур вылетает из кабинета, и дверь по инерции

качается взад-вперед. Если кто и должен ее закрыть, то это я.

Из окна кабинета открывается замечательный вид. Наверное, лучший на нашем этаже. Эта сторона «СВО» отвернута от делового центра Мореля с его уродливыми старыми зданиями и смотрит на Гудзон, великолепный в летнее время года, с искрящимися под солнцем, отраженными в нем голубыми небесами. Морель – небольшой городок-десятитысячник, распложенный сразу за Пикскиллом[4 - Город в округе Уэстчестер, США, штат Нью-Йорк.]. На поезде от Нью-Йорка до него час езды. Иногда кажется, что мы находимся на краю света, иногда – что не совсем на краю. Сегодня черная поверхность Гудзона бурлит и пенится, вбирая в свой поток ливень. В дождливый ли, в солнечный ли день Пол всегда сидит спиной к окну. Когда я спросила его почему, он ответил: «Я здесь не для того, чтобы любоваться видом». Сейчас он тоже сидит спиной к окну, облокотившись о стол. Никогда не видела его таким расстроенным.

– Не спрашивай, – опережает он вопрос, который так и вертится у меня на языке.

– Твой обед.

– Оставь его.

Я ставлю пакеты с обедом на стол, и Пол поднимает руку.

– Постой. Присоединяйся. Поздравляю с годовщиной в «СВО». – Он улыбается, видя выражение моего лица. – Думала, забуду?

– Я не указала эту дату в твоем календаре. – Наверное, ему сказала Лорен.

– Нужно ее как-то отметить. Так будет правильно.

– Я могла бы придумать что-то получше отверженного обеда, – смотрю я на коричневые бумажные пакеты, в которых уже черствеет сыр. – Зря я взяла макароны с беконом.

Пол делано воодушевляется, услышав, какое блюдо я принесла, но ссора с Артуром явно выбила его из колеи, и теперь ему нужно зализать раны, а он из тех, кто предпочитает делать это в одиночестве.

– Что, к примеру? – спрашивает Пол, как только я разворачиваюсь к двери.

– А сам как думаешь? – снова встаю к нему лицом.

Ненавижу этот его взгляд. «Мы уже обсуждали это», – слышится в голове его голос, а секунду спустя Пол произносит вслух:

– Мы уже обсуждали это, Денэм.

– Ну да. Я, наверное, вечно буду отвечать на звонки.

Он прикрывает лицо ладонью.

– Слушай, я такого никогда не говорил. У тебя сырые идеи. Подача слабовата. Стиль не отработан. – Пол хватает пакет с едой и начинает его распаковывать. – Может, для тебя это и новость, но есть вещи похуже того, чтобы быть помощницей Пола Тиндейла. И кстати, напомни-ка мне, насколько ты квалифицирована для этой работы?

Я устремляю взгляд на реку за окном и, закусив щеку изнутри, пытаюсь не выдать лицом своих чувств. Знаю, в чем-то мне действительно повезло: Пол Тиндейл, очарованный тем, что я была единственным «ребенком» в зале, полном взрослых, заплативших за то, чтобы услышать его речь, и тем, что мои вопросы были на порядок интереснее, вытащил меня из безвестности и предложил работать на него, несмотря на отсутствие высшего образования и недостаток квалификации. Но я работаю на него год и теперь во многом разбираюсь. Я не собираюсь оставаться его канцелярской крысой. Я хочу писать. И в прошлом месяце это желание стало настолько велико, что меня обуяло безрассудство: я положила на стол Пола папку со своей лучшей работой, после чего сидела и ждала, когда же он назовет меня гением.

И все еще жду.

– Пусть ты и занимаешься не тем, чем хочешь, но при этом получаешь бесценный опыт, – замечает Пол. – Благодаря ему ты сможешь получить работу в любом другом, более мелком издательстве.

– Где мне, возможно, позволят писать статьи.

Пол удерживает мой взгляд неприятно долгое мгновение. Я ощущаю себя перед ним открытой и беззащитной. Он словно обладает способностью читать мои мысли, и если применяет ее сейчас, то знает: я представляю себе будущее, в котором самым значимым абзацем на его странице Википедии будет тот, где говорится, что мой талант распознал именно он.

– Денэм… – начинает Пол и обрывает себя. – Я все сказал. Сегодня большой день, так почему бы тебе не отдохнуть? Считай, у тебя начались выходные. Возвращайся на работу в понедельник. Это будет новый старт.

Да неужели? – мне хочется съязвить, но я лишь молча киваю и выхожу из кабинета, прилагая немалые усилия, чтобы не хлопнуть дверью, а тихо закрыть ее за собой.

Выключая компьютер, сначала ощущаю присутствие Лорен, а потом вижу ее краем глаза.

– Куда собралась, Ло?

– Домой.

Мы с Лорен не подруги, но Пол обсуждает с ней меня, словно нуждаясь в женской точке зрения для выработки подхода ко мне. Это в некоторой степени оскорбительно. В «СВО» практически отсутствуют женщины. С этим пунктиком Пола трудно мириться, однако в глубине души я нахожу нездоровое удовольствие в том, что являюсь одной из нескольких избранных. Думаю, Лорен испытывает схожие чувства. Потому, скорее всего, мы с ней и не дружим. Пятнадцатилетняя разница в возрасте тоже тому причина. Ну и еще тот факт, что она начинала помощницей Пола, а теперь занимает место, на которое зарюсь я. Сложновато не ненавидеть ее за это, особенно учитывая, что Лорен прекрасно все понимает. И наслаждается этим пониманием.

Она присаживается на краешек моего стола.

– Хочешь совет от бывшей помощницы?

– Валяй.

– Слов мало. Нужны действия. Пол будет видеть тебя лишь на том месте, где видит всегда.

– Ты это к чему?

– К тому, что ты всегда торчишь за этим столом.

Словно по сигналу звонит телефон. Лорен усмехается. Я перенаправляю звонок на голосовую почту и иду домой. Выхожу под дождь, минуя по пути входную дверь в бар Маккрея. Порой Пол со своими работниками заглядывает сюда после долгого и трудного рабочего дня, но я редко составляю им компанию. Взгляд улавливает в одной из кабинок бара жалкую фигуру. Артур. Недалеко он ушел. Я останавливаюсь и наблюдаю за ним, все больше промокая под дождем. Невыразимо печально видеть этого мужчину в баре, такого страшно одинокого в своем горе…

Что Пол за друг такой, если позволяет Артуру сидеть здесь совершенно несчастному, одному.

«Они убили моего сына».

Я захожу в бар. Свет приглушен, из колонок убаюкивающе тихо играет старая кантри-музыка. Судя по атмосфере, это местечко повидало на своем веку дерьмеца. На что намекает и работающая прямо над баром кучка журналистов. Я направляюсь к кабинке Артура, где он понуро сидит, повесив голову. Я сожалею о своих действиях, как только к нему подхожу. Мы с ним не так уж и близко знакомы. Он знает, как меня зовут, и проявляет лишь-чуть-более-чем-поверхностный интерес к моей жизни, спрашивая при встрече, как у меня дела, или осведомляясь о чем-то, о чем мы говорили в последний раз. К примеру, однажды, на выходе из офиса, он задал Полу вопрос обо мне: «Когда ты уже повысишь ее в должности, а?» Они вместе учились в университете, и «для убедительности» Артур не раз обещал поведать мне пару-тройку ужасно неловких историй о моем шефе, чего, увы, так и не сделал. Он поднимает на меня глаза как раз в тот момент, когда я подумываю развернуться и уйти, пока меня не заметили.

– Ло? – прищуривается Артур.

Я прочищаю горло.

– Просто хотела выразить вам свои соболезнования.

– Оу. Спасибо. Я… – Артур отодвигает пинту в сторону и начинает вытирать мятой салфеткой оставленный ею на столе влажный след. Непонятно зачем. Может, не знает, куда деть руки. Он выглядит не пьяным, а раздавленным. – Я благодарен тебе за эти слова. Прости, что пришлось увидеть… – Артур слабым взмахом руки указывает на потолок. – Но спасибо.

Я колеблюсь. Печаль мужчины не отпускает меня, воспоминания о последних мгновениях его сына тяжестью лежат на душе. Я чувствую себя в долгу перед ним за несказанное и поэтому не могу оставить его в таком состоянии одного.

– Каким он был? – спрашиваю я.

– Джереми?

Я киваю, и Артур одновременно и напрягается, и оживляется. Он выпрямляется, его плечи каменеют, но глаза загораются. Мой вопрос воспринимается им как крайне важный, поскольку он теперь является хранителем памяти о сыне. Артур выразительно смотрит на сиденье напротив него, и я усаживаюсь за стол.

– Он был милым ребенком и… трудным. Нам с моей девушкой было по двадцать два, когда он родился. Это произошло незапланированно, но мы решили сделать все возможное, чтобы стать хорошей семьей. Что ж… – Артур смеется. – Спустя месяц после рождения Джереми его мама бросила нас обоих. Мы остались вдвоем. Но мы справились, у нас была хорошая семья. – Он замолкает. – Показать фотографию?

Артур опускает руку в карман за бумажником. Тот настолько потрепан, что держится на одном честном слове. Заметив мой взгляд, Артур поясняет:

– Это бумажник Джереми. При нем нашли только его. – У меня сводит живот, когда Артур открывает бумажник и указывает на кармашек с удостоверениями. –

Все, что осталось от моего сына.

До боли печально.

Мой взгляд падает на листовку, размером чуть побольше визитки.

– Что это?

Артур недоуменно моргает, затем вытаскивает листовку из бумажника и показывает мне.

– Цитата из Библии, – говорит он.

Вверху листовки голубые небеса. В центре фраза: «Но верен Господь, который утвердит вас и сохранит от лукавого»[5 - Новый Завет: Второе послание фессалоникийцам, 3:3 (синодальный перевод).]. Джереми, видимо, использовал ее как ненужный клочок бумаги. Спереди он что-то написал, рвано и небрежно, словно дрожащей рукой. И поставил время: 15:30.

Тяжело сглотнув, Артур опережает мой вопрос своей догадкой:

– Похоже, у него была назначена встреча… где-то. Зачем он носил при себе это напоминание, если собирался покончить с собой?

Я не уточняю, что на листовке не стоит дата. Возможно, встреча уже состоялась.

Артур возвращает внимание к тому, о чем шла речь до этого: к вставленной в бумажник фотографии. На снимке школьный выпускной, и Джереми еще совсем юн. У него обычное, ничем не примечательное лицо, на которое я не обратила бы внимания, если бы не видела его раньше. А поскольку я его видела, меня в нем кое-что цепляет. Джереми не выглядит счастливым, но и несчастным тоже не выглядит. Его лицо расслаблено. Кажется, что если он улыбнется, то улыбка обязательно коснется глаз. С комком в горле передаю фотографию Артуру.

– Вы никогда не упоминали о нем.

Он поджимает губы.

– Последние годы мы отдалились друг от друга. Почти не общались.

Внутри разливается холод.

«Я знаю тебя?»

Артур ерзает, неправильно истолковав мое внезапное напряжение.

– Он был своеобразным… Джереми. Страдал глубокой депрессией. Пытался покончить с собой, но я ему помешал. Он так и не простил меня за это и, как только смог, ушел из дома. Я не был против, лишь бы он оставался… здесь.

– Мне очень жаль, Артур.

– Джереми попал в очень плохую компанию. – Артур на секунду закрывает глаза, потом достает из кармана мобильный. – Посмотри! – Он разворачивает телефон экраном ко мне. – Они удерживали его вдали от меня. Не позволяли мне видеть собственного сына.

Артур открывает галерею и начинает листать фотографии Джереми. На всех он запечатлен на публике и на всех окружен небольшой группой людей различных рас и возрастов. При взгляде на них никогда не придут на ум слова «очень плохая компания». Джереми улыбается той самой улыбкой, о которой мне подумалось раньше, – той, что касается глаз. И тут он постарше, чем на выпускном. Однако все фотографии сняты с далекого расстояния. С такого обычно наблюдают за кем-то.

– Вы сами сделали эти фото?

– Нанял человека.

Артур продолжает листать снимки, возвращаясь к более ранним. Смену сезонов сопровождает новая обстановка и другое окружение. Однако в каждом из этих коротких, запечатленных камерой мгновений Джереми неизменно счастлив и совершенно не подозревает о слежке. Такое прошлое не предвещает ужасного будущего.

– Видишь? – спрашивает меня Артур. – Ты видишь?

«Нет», – мысленно отвечаю я, но потом вдруг замечаю справа от Джереми девушку. Она обнимает его рукой за плечи и шепчет ему что-то на ухо. Сердце останавливается. Окружающий меня мир медленно блекнет, звон в голове заглушает звуки бара…

«Я знаю тебя».

Выхватываю у Артура телефон, и стоит ему оказаться в моих руках, как замершее сердце начинает бешено колотиться в груди. Звуки бара возвращаются, оглушая. Я долго смотрю на фотографию, а потом начинаю листать снимки и вижу эту девушку снова… и снова… и снова…

– Джереми был членом Проекта «Единство»?

– Откуда ты знаешь?

Качаю головой. Голос отказывается повиноваться. Ответ на вопрос Артура покоится слишком глубоко в душе. Мне трудно оторвать взгляд от экрана мобильного, от лица, которое я не видела…

– Ло?

…годы.

– Простите, – наконец выдавливаю я, – это просто…

– Я знаю.

Нет, он не знает!

Артур забирает у меня мобильный, и я безропотно отдаю его, хотя все во мне противится этому. Мне хочется смотреть на фотографию. Хочется смотреть на нее вечно. Я поднимаю глаза и встречаюсь с пристальным, напряженным взглядом Артура. Он так сильно напоминает мне своего сына, что я отвожу взгляд в сторону.

– Я просто не понимаю, – говорит он. – Почему он прыгнул? Почему?!

Отголоски уличной непогоды проникают в бар, и в воздухе разливается затхлый, почти металлический запах дождя и асфальта. Затхлый и металлический запах дождя и железнодорожной станции. Я прикрываю веки и вижу Джереми, но теперь уже по-другому.

«Они убили моего сына».

Я открываю глаза.

Артур плачет, обхватив голову руками.

– Проект чист, – заявляет Пол.

Я стою в углу его кабинета, скрестив руки на груди. Он стоит у окна, устремив взгляд в пасмурную даль. Редкий случай, когда Пол позволяет себе полюбоваться видом, а смотреть-то сейчас и не на что. Отвернувшись от окна, он садится за стол, вперяет взгляд в экран компьютера и опускает руки на клавиатуру. В любой другой день я поняла бы намек: разговор окончен, возвращайся к работе, – но Пол сам устроил мне выходной, и я не покину это здание, пока не узнаю все, что ему известно об участии Джереми Льюиса в Проекте «Единство».

– Это гребаный культ, Пол.

– Как и католическая церковь, – отвечает он, не глядя на меня. – И ты не первая, кто говорит подобное о «Единстве». В своем расследовании я зашел настолько далеко, насколько только мог, Денэм. Весь последний месяц копал под Проект, связывался с его представителями и пообщался чуть ли не со всеми, кто имеет к нему отношение…

– Ты говорил с Львом Уорреном?

Пол хмурится, не отрывая взгляда от монитора. Лев Уоррен не общался с прессой с 2011 года, после своего интервью для журнала «Вайс». Журнал

(якобы) утаил от него, что статья будет не отдельной, а одной из прочих в большой серии про культы: «Растущее социальное движение или зародившийся культ? Все, что вам нужно знать о недоучившемся семинаристе Льве Уоррене, Проекте «Единство» и его священной миссии – спасти нас от нас самих». Вердикт журнала: потенциал высок.

Когда статья вышла, «Единство» незамедлительно сделало заявление, что интервью было взято обманным путем и Лев более не будет общаться с представителями СМИ. Двумя неделями позже он появился в новостях по другой причине.

В видео, где отговорил девушку-суицидницу прыгать с Миллс-бридж.

Это была трехчасовая пытка, трясущееся изображение с места событий, транслируемое с мобильного прямо на «Ютьюб» и одновременно передаваемое по телевидению. Льва опознали примерно через сутки. Все поисковые системы на запросы о Льве Уоррене в верхних строчках выдавали сайт «Единства» и статью в журнале «Вайс», приобщая бессчетное количество людей к новой уорреновской теории искупления и спасения, согласно которой из-за своих грехов человечество лишилось Божьей благодати, а «добро, творимое ”Единством“, искупит грехи человечества и к концу света дарует всем спасение».

Битва ключевых слов в поисковых системах приглашала общественность решить, во что верить, но в конечном итоге вирусный видеоролик с удаляющейся фигурой Льва, который, уклоняясь от внимания СМИ, просто спустился с моста и затерялся в людской толпе, был куда убедительнее всего остального.

С тех пор Лев хранит молчание в СМИ, но работа «Единства» говорит сама за себя. Любой желающий услышать речь Льва может либо посетить его ежегодную публичную проповедь, либо стать членом Проекта. Само собой, если бы Пол сейчас взял у Льва интервью, для «СВО» это стало бы огромной удачей.

– Скажу тебе то же самое, что сказал Артуру: нет ничего, что даже отдаленно намекало бы на причастность «Единства» к смерти Джереми.

– Не верю.

– Иди домой, Денэм.

Я беру стоящий у стены стул, ставлю его напротив Пола и сажусь.

Пол со вздохом сдается и, оторвав взгляд от монитора, наконец уделяет мне внимание.

– Ладно. Давай взглянем на Проект «Единство». – Тон его голоса подразумевает, что он оказывает мне большую услугу. Пол открывает на компьютере документ и начинает читать свои записи: – Активы в Мореле, Беллвуде и Чапмэне. В каждом из этих городов ими открыты круглосуточно работающие приюты. Приютами управляет «Союз Единства», который помогает нуждающимся и предоставляет необходимые услуги: профессиональных адвокатов, подходящих в каждом конкретном случае; различные программы вроде «Начни сначала»; программы наставничества для молодежи и взрослых; программы поддержки для подростков из группы риска, для пострадавших от домашнего насилия и для людей с зависимостями; психологическую и юридическую помощь; и так далее, и тому подобное… Это еще не говоря о регулярной раздаче нуждающимся еды и одежды, а также пожертвованиях в благотворительные организации, не имеющие никакого отношения к Проекту «Единство». А после ежегодной проповеди на ферме Гарреттов все присутствовавшие на ней хотят только одного: сделать мир лучше. Что плохого можно сказать после этого о «Единстве»?

– Они считают, что Лев Уоррен обладает духовной властью и способен искупить грехи человечества…

– Через акты служения и оказания помощи людям. Сказать, чем они заняты сейчас? Мобилизацией помощи Пуэрто-Рико.

– Ты член Проекта или его фанат, Пол?

– Ни то ни другое. Но, думаешь, я стану бросаться обвинениями в убийстве в одну из самых обожаемых групп штата Нью-Йорк без единого на то доказательства? Более того: никто не толкал Джереми на рельсы. Лев Уоррен известен тем, что отговаривал людей от суицида, а не тем, что доводил до него.

– Подтолкнуть к этому можно разными способами.

– По-твоему, я что-то упустил? Не справился с собственной работой? – смотрит Пол на меня, и мое лицо вспыхивает. – Ладно, съем это. Я понимаю Артура. Его сын погиб. Он жаждет справедливости и пальцем может указать лишь на «Единство». Но тебе-то какое до этого дело, Денэм?

Опускаю взгляд на руки, заламываю пальцы и останавливаю себя тем, что сжимаю ладони в кулаки. Я думаю о парне из Проекта, которого перемололи колеса поезда.

О мертвом парне из Проекта, который знал Би…

– Денэм?

…и меня.

– Я была там.

– Что?

Заставляю себя посмотреть Полу в глаза.

– Я была на станции, когда это случилось.

Он хмурится.

– Когда Джереми…

– Я видела, как он погиб, Пол.

Он медленно переваривает услышанное. И чем дольше тянется пауза, тем мучительней мне.

– Боже, Денэм…

– Да, – глупо отвечаю я, – это было ужасно.

На глаза наворачиваются слезы. Сдержать их не получается, несмотря на то, что я быстро вытираю веки.

Пол вскакивает и пересекает кабинет. Слышен тихий звук воды, льющийся из установленного в углу кулера. Секундой позже Пол сует мне в руку бумажный стаканчик. Я беру воду, избегая его взгляда.

Он садится на свое место.

– Почему ты не рассказала мне об этом?

– Потому что это ничего не изменило бы.

– Тогда что это меняет сейчас?

Я ставлю стаканчик на стол. Не могу сделать ни глотка – горло сдавило.

– Перед смертью он кое-что сказал.

– Тебе?

– Вроде как… всем. Я была рядом.

– Что он сказал? – помедлив, спрашивает Пол.

– «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее…» – Жутко слышать эти слова, произнесенные собственным голосом. От них муторно на душе, хотя в случившемся моей вины нет.

Пол на короткий миг прикрывает глаза, тоже ощущая их гнет.

– Это цитата из Библии. Как думаешь, где Джереми ее услышал?

– Денэм…

Я подаюсь вперед:

– Ты должен был сказать мне, что копаешь под них, тогда бы я призналась тебе в этом раньше.

– Во-первых, я оказывал услугу другу. Такую услугу, которая требовала большой осторожности, – резко отвечает Пол. – А во-вторых, Денэм, я много чего тебе не говорю. Часть историй требует исключительной осторожности и секретности. Ты узнаешь то, что тебе нужно знать, в положенное для тебя время.

– Ты должен еще раз взяться за это дело.

– Это ни к чему.

– Но я только что сказала тебе…

– Давай я тебе кое-что объясню, – прерывает меня Пол. – Джереми был болен. Этот паренек рос на моих глазах, и если он не боролся с собой, то боролся с отцом. Артур приложил все усилия для того, чтобы его сын жил – и я его понимаю, – но тем самым разрушил их отношения. Как только Джереми исполнилось восемнадцать, его и след простыл. Объявлялся только за деньгами. Я все это наблюдал собственными глазами. После смерти бабушки Джереми получил наследство – двадцать пять тысяч. Артур слышал о нем в последний раз, когда тот присоединился к Проекту.

– А что потом?

– Судя по всему, жил припеваючи. Работал в воспитательной программе для молодежи. Обожал Льва Уоррена, как и все остальные. Артуру это было не по душе. Джереми хотел возобновить с ним общение через «Единство», но этому помешала гордость Артура. Так был забит последний гвоздь в крышку гроба их отношений.

– Но слова Джереми перед смертью…

– Он много чего говорил, переживая очередной кризис.

– Артур сказал, что все, что осталось после Джереми, – бумажник.

– Джереми добровольно передал все свое состояние «Единству». Так оно, наверное, принесет больше пользы. – Пол на мгновение устало прикрыл глаза ладонью. На его лице отразилась боль, и до меня вдруг дошло, что Джереми, вероятно, много для него значил. – Ты пережила очень травматичный инцидент, Денэм. Когда случается нечто настолько бессмысленное, совершенно естественно и человечно желание придать ему какое-то значение, какой-то смысл. В случае с Артуром – найти виноватого даже в ущерб истине, просто для того, чтобы стало чуточку легче. Но я не для того здесь сижу, и ты не для того здесь работаешь. – Он вздыхает. – Надеюсь, Арт со временем меня простит. Проект чист, и точка.

А что насчет девушки с фотографий?

Девушки с моей фамилией, шепчущей что-то на ухо Джереми?

Если Пол не спрашивает меня о ней, значит, копал недостаточно глубоко.

– Что-нибудь еще? – интересуется он.

Я качаю головой.

Пол прочищает горло и утыкается в экран компьютера.

– Хорошо. Поскольку у меня полно работы, а помощницу я уже отправил домой… Понятно?

– Да, – поднимаюсь я, – понятно.

* * *

Когда я возвращаюсь в свою квартиру, расположенную над «Похоронным бюро Фрайтов», в сознании уже прочно поселились мысли, посетившие меня после ухода из офиса. А мыслей столько, что не хватает места в голове.

Я плетусь на второй этаж и захожу домой. Квартира у меня небольшая: кухня, переходящая в своеобразную гостиную; две двери справа – одна ведет в мою спальню, другая – в ванную. Мне нравится. Очень функционально. Выбрать ее мне помогла Пэтти.

Пэтти умерла прошлой осенью. Мне пришла открытка с соболезнованиями. Мои сомнения, должна ли я попытаться сообщить об этом Би, разрешило присланное на е-мейл письмо: «Примите наши искренние соболезнования. Проект «Единство». Посыл понят. Би – часть их, они – часть ее, а я не являюсь их частью.

Я снимаю верхнюю одежду, разуваюсь и оставляю вещи у двери. Пальцы щелкают по выключателю, и комнату заливает холодный свет диодов. Закидываю замороженную еду в микроволновку и иду в ванную, где изучаю свое отражение в зеркале шкафчика над раковиной. День был долгим, и выгляжу я соответствующе: темно-каштановые волосы спутались под дождем, глаза красные, лицо бескровное. Однако, глядя на меня, никто бы этого не заметил. Все внимание оттянул бы на себя широкий сморщенный шрам, пересекающий левую сторону лица: берущий начало от брови, спускающийся по щеке, проходящий всего в сантиметре от губ и резко обрывающийся у подбородка. Я каждый день смотрю на него.

Порой только его и вижу.

Прижав ладонь к отражению изуродованной щеки, тихо говорю:

– Ты – Ло.

2011

Глория.

Глория – латинское имя; «Слава».

Когда Ло начала лопотать, Би безумно хотелось, чтобы первым словом сестренки было ее имя. «Слова ”мама” и ”папа” не считаются», – упорствовала она.

Склонившись над посапывающей в кроватке сестрой, Би всячески пыталась поспособствовать этому. Как только она не изощрялась: за заунывно долгим повторением имени – Би, Би, Би – следовала цепочка столь же повторяющихся вопросов: «Кто я? Как меня зовут? Назовешь мое имя, Ло?»

Ло произнесла имя Би в тот же день, когда Би сдалась, приняв тот факт, что этого не случится. Стоял прекрасный солнечный день. Папа, растянувшись на траве с Ло в руках, подремывал на солнышке. Би качалась на качелях с целью достать ногами до неба. Ей давно хотелось это сделать, но родители запрещали раскачиваться сильно, поскольку качели висели на очень старом дереве. Может, дерево и старое, но Би знала сердцем: оно сильное.

Она начала с осторожного и неторопливого ритма, чтобы не привлечь внимания к своей тайной цели, а потом стала набирать скорость, качаясь все быстрее и быстрее, взмывая все выше и выше – выше, чем когда-либо за всю свою жизнь.

– Пониже, Жужжа, – сказал папа прежде, чем она успела поцеловать облака, и это привлекло внимание Ло.

Головка малышки повернулась в сторону Би, глаза расширились и вдруг…

– Би!

Беатрис – латинское и итальянское имя; «Благословенная».

Би никогда не забудет, как Ло произнесла ее имя. Не приветствием, не восклицанием – мольбой, словно Ло почувствовала желание Би улететь и отчаянно испугалась быть покинутой.

Их не воспитывали с верой в Бога. И недостаток веры никак не мешал Би жить. Просто так было, и все. Вера была бездоказательна, Бог невидим, и религия представлялась Би чем-то вроде магического шоу, успех которого полностью зависит от желания аудитории верить в то, что за обычными фокусами стоит нечто большее. И так было до той минуты, когда она стояла в изножье больничной кровати Ло, вытирая с глаз слезы после ухода врача. Его слова эхом отдавались в голове.

«Чудо. Не что иное, как чудо».

Сестра дышала, находясь по эту сторону жизни.

Благодаря ему.

Лев – еврейское и русское имя; «Сердце», «Лев».

* * *

Би дрожит.

На ферме Гарреттов холодно, к тому же так далеко от больницы она не уезжала с самой аварии. Ло, столько времени находящаяся без сознания, напичканная лекарствами и не знающая о своих травмах, вот-вот очнется. Би хочет быть рядом, когда сестра откроет глаза, но Льву она нужна здесь: чтобы она увидела, что он видит, узнала, что он знает. В первый раз Би отказалась ехать сюда. Мысль о том, чтобы быть где-то еще, кроме как у постели сестры, была невыносима и причиняла почти физическую боль. Лев сказал, что понимает ее, но также сказал: «Это единственное, о чем я тебя прошу». Би тогда затопил нестерпимый стыд. Как она могла отказывать ему после всего, что он для нее сделал?

В следующий раз она не отказала.

Теперь Би немилосердно тянет к Ло, и она всеми силами пытается этого не показывать. Ее отдали под начало Кейси, которая, видимо, очень дорога Льву. Когда-нибудь в будущем Би постарается держаться так же, как Кейси – уверенно и грациозно, пока же она чувствует себя маленькой и неловкой рядом с ней и нервничает под ее пристальным взглядом.

Они останавливаются у ворот, ограждающих территорию, и наблюдают за членами Проекта, которые таскают в сарай скамьи. Через несколько часов здесь, по словам Льва, будет проходить «семейное собрание». Он попросил Би приехать пораньше, хочет познакомить ее с семьей. Би упивается этой мыслью. Ночи вне больницы она проводит в пустом доме, где ее собственной семьи нет и никогда не будет.

– Что тебе известно о Льве? – спрашивает Кейси. – Помимо того, что он совершил для тебя?

Еще недавно Лев и «Единство» были для Би чем-то абстрактным, существовавшим где-то вдалеке и не затрагивавшим ее. Би – та, кем она являлась – была довольно далека от осмысления его миссии. Она лишь помнила девушку, пытавшуюся летом покончить с собой на мосту, и разворачивавшуюся на экране телевизора сцену, перед тем как – стыдно признаться – переключила канал. Теперь Би известно гораздо больше, и она жаждет узнать, вошел ли Лев Уоррен еще в чью-то жизнь так же драматично, как и в ее, и сколько принес с собой чудес. Би размышляет, стоит ли ей заговаривать о найденной в журнале «Вайс» статье. Не потому что верит написанному – нет, не верит, а потому, что упоминание о ней кажется невежливым и некрасивым. Би же хочется понравиться Кейси.

Она бросает на Кейси взгляд, и та ободряюще улыбается, словно знает, о чем Би думает.

И она, конечно же, знает.

– Статья в «Вайс» показала, – произносит Кейси, – что людям настолько комфортно в тюрьмах, в которые они сами себя заточили, что они инстинктивно отвергают возможность освобождения. Журналисты, изучавшие Проект «Единство», не смогли увидеть сути. Ты согласна?

Би кивает.

– Тогда давай я расскажу тебе о Льве так, как до?лжно.

И Би впервые слышит его историю здесь, на ферме Гарреттов.

* * *

1980, Индиана. Родился мальчик.

Мама не любит его. Она показывает это кулаками.

Ему больно. Он зол и одинок. Он жаждет быть увиденным.

Забредя в церковь в семнадцать, он ощущает тягу к Богу, сам еще не понимая своих чувств. Это место полно тепла. И любви. Когда он присоединяется к прихожанам в молитве, случается чудо: злость уходит. Он больше не одинок. Жизнь мальчика наполняется смыслом. Приходит осознание: он – божий инструмент.

Бог призывает следовать за Ним, и он подчиняется.

Кейси и Би идут вдвоем по дорожке к сараю. Их пальцы переплетены.

Мальчик становится мужчиной. Судьба приводит его в семинарию, где он готов всю жизнь посвятить служению Богу, но вскоре он осознает, что в церкви нет Бога, есть лишь люди, скрывающие за ее стенами свои грехи. Мужчина чувствует ее гниль, чувствует, как та душит Божью благодать, поэтому он поворачивается лицом к миру и находит в нем еще больше гнили: войны ради получения прибыли; неимущих, чьи карманы опустошил экономический кризис; протянутые за помощью руки и руки, не протянутые в ответ. Мужчина не на том пути, по которому стремился идти. И он уже не знает, где тот самый путь. Он возвращается домой, к своей матери, которая ненавидит его, туда, где она унижала его, убивая в нем личность, и опускается на колени. Он молится. Молится тридцать часов. Без отдыха, сна и еды.

Они останавливаются у дверей сарая. Внутри стоит Лев, в центре людского круга – вокруг него собралась семья.

И все они, осознает вдруг Би, ждут ее.

– На тридцатый час, – говорит Кейси, – Бог послал Льву виде?ние. И Лев хочет поделиться им с тобой. Он выбрал тебя.

Кейси отпускает ее руку и отходит к остальным, теряясь на общем фоне. Лев идет к Би, не сводя с нее глаз, и останавливается совсем рядом. Прикасается к ее лицу ладонью, теплой и любящей.

– Готова прозреть? – спрашивает он.

* * *

Би стоит в одиночестве на поле, по ее лицу струятся слезы, вокруг сердца возводятся стены храма. Она не чувствует печали. Она не боится. Она прозрела. Все видится теперь по-иному. Би смотрит на солнце, в голове тихонько звенят колокола. Потом она осознает, что это звонит ее телефон. Пришли сообщения от Пэтти.

«Ло очнулась», – говорится в первом.

А во втором: «Ло очнулась и зовет тебя».

Октябрь, 2017

На дороге между городами Чапмэн и Остер есть участок, когда-то залитый кровью моих родителей. Их выкинуло прямо на шоссе, где они и перестали дышать. Люди, ездящие здесь, не считают эту дорогу священной. Она для них – лишь отрезок пути, соединяющий два места: то, откуда они уехали, с тем, где хотят оказаться. Теперь я сама стою там, где стоял Джереми. Пассажиры спешат к своим платформам, не ведая о произошедшем здесь месяц назад. А если и есть те, кто ведает, то они быстро забыли о случившемся и спокойно живут себе дальше.

Жаль, я не такая, как они.

Я смотрю на флаер в руке.

«Проект „Единство“ приглашает всех на свою ежегодную публичную проповедь на ферме Гарреттов».

Там почти гарантированно будет Би. Если я хочу поговорить с ней, то тоже должна быть там. Прийти без предупреждения, разумеется, поскольку у Би есть одна привычка – испаряться, заслышав обо мне.

Я долгое время не пересекалась с «Единством». Последний раз на то и «последний». Я не пыталась общаться с сестрой. И даже не говорила о ней. Если бы мне пришлось делать ставку на то, кто из нас обеих первой нарушит правила, на Би я не поставила бы.

Так почему тогда, спустя все эти годы, она вложила мое имя в уста погибшего парня? И что он просил меня обрести?

Я ухожу с перрона в привокзальное здание, посмотреть на часы. Пятнадцать минут. Без задержек.

– Я тоже туда.

Рядом стоит кареглазая женщина. У нее теплый взгляд, коричневая кожа с золотистым оттенком и заплетенные в косички волосы до лопаток. Я бы дала ей около тридцати или тридцать с хвостиком. Она улыбается, глядя на сжатый в моих руках флаер.

– Я имею в виду проповедь.

– Вы член Проекта?

– Да, – в голосе слышна немалая толика гордости.

Обвожу взглядом станцию. Сколько таких, как она, вылавливают тут? Я должна была это предвидеть. Члены Проекта бесстыдно используют любую возможность. Я поворачиваюсь к женщине и откидываю волосы с левой стороны лица, открывая шрам. Определенные люди из «Единства» знают меня, а я – их. Джереми не был одним из них. Интересно, он исключение из правила или нет?

Лучше узнать это до посадки на поезд.

Однако, в отличие от Джереми, женщине мой шрам ничего не говорит. Едва обратив на него внимание, как делают порядочные люди, она спрашивает, была ли я раньше на проповеди. Я отвечаю, что не была.

– Ты чудесно проведешь время, – обещает она.

– А если нет? – Мну флаер и кидаю его в ближайшую урну. – Я в сомнениях. Не уверена, что все это для меня.

– Тебе есть чем заняться сегодня?

Я морщусь.

– Не прими это как давление на тебя. Просто у нас есть время до поезда, и я с удовольствием попью с тобой кофейку, если хочешь поговорить об этом или задать интересующие тебя вопросы.

Я медлю с ответом. Она пожимает плечами.

– Не хочешь – как хочешь, но должна сказать, что когда-то стояла на том же самом месте, что и ты. Буквально. Стояла тут, решая, ехать на проповедь или нет. Член Проекта увидел меня и помог сделать выбор. Чувствую, что теперь я должна помочь с этим тебе.

– Я даже не знаю вас.

Она протягивает мне руку:

– Дана.

Мы устраиваемся напротив друг друга за маленьким столиком возле крошечного кафе-киоска. Я обнимаю ладонями пластиковый стаканчик, из которого поднимается пар, и делаю глоток обжигающего кофе. Крепкого, горького и невкусного. Не знаю, с чего начать разговор. Есть вопросы, на которые я жажду получить ответы, но их приходится задвинуть ради тех, которые не вызовут подозрений. И еще любопытно: какие вопросы склоняют сестер отвернуться от сестер, склоняют потерянных мальчиков бросаться под поезд?

– Он кажется странным, да? – Дана сама заводит разговор. – Я о Проекте. На бумаге все выглядит или слишком хорошо для того, чтобы быть правдой, или…

– …безумно.

– Да, безумно. Либо то, либо другое, без золотой середины. Но, полагаю, слышать о «Единстве» и находиться в нем – две совершенно разные вещи. Я хотела делать что-то хорошее и сейчас только этим и занимаюсь, поэтому счастлива. Чем тебя заинтересовал Проект?

– Теорией Уоррена. Ищу искупления. – Это прозвучало слишком насмешливо.

Дана долгое мгновение изучающе смотрит на меня, затем решает выразить свое неодобрение.

– Хочешь доказать что-то самой себе? Эта проповедь – не развлечение в выходные, над которым в понедельник можно посмеяться с друзьями. Она немало значит для многих людей и заслуживает уважительного отношения.

– Если честно, Дана, я ищу чего-то получше того, что есть у меня, – отвечаю я, и она слегка расслабляется. – Но, признаюсь, теория Уоррена – самая безумная часть проекта.

– Для меня она самая прекрасная. Рассказать тебе нечто действительно безумное?

– Да.

– Я была в армии, – начинает она, и когда я никак не реагирую, продолжает: – Вот это – безумие.

– Спасибо за вашу службу. – Почему-то мои слова звучат как вопрос.

– Пожалуйста. А теперь я скажу тебе, какой она была: я делала, что мне велено, и не задавала вопросы, поскольку так положено. Никаких вопросов и сомнений. Ты в одной цепочке с братьями и сестрами, с которыми идешь в бой. Я отдала бы жизнь за любого из них и не раз чуть не отдала.

Дана медленно выдыхает, и я вижу историю, разворачивающуюся у нее перед глазами. Историю, которой она не хочет делиться. Или не может, судя по искаженному болью лицу.

– Я… Я так много потеряла. Вернулась и почувствовала себя обманутой. Там, где я была, то, что я видела, вещи, которые делала… Я потеряла веру. Понятия не имела, как жить. И никто не давал мне того, в чем я нуждалась. Никто. А потом я пошла на публичную проповедь, Лев Уоррен сел рядом со мной и сказал: «Я не знаю, с чего начать. Не знаю, как вернуть добро в мир, ощущая себя самого частью его жуткой неправильности. Не знаю, как искупить то, что сделал». Он посмотрел на меня и добавил: «Проект ”Единство” уже искупил все сотворенное тобой. Это наш дар. Все, что тебе нужно сделать, – принять его». И… – Дана сглатывает, – …я приняла. С тех пор Проект заботится обо мне.

– «Добро, творимое ”Единством”, искупит грехи человечества и к концу света дарует всем спасение», – цитирую я. – Вы правда верите в это?

Она наклоняется вперед.

– Став членом Проекта, ты примешь свое искупление. Примешь Льва как Божьего искупителя и с ним будешь спасена. Духовное перерождение позволит тебе принимать участие в дарении искупления другим. Если каждый примет дар искупителя и будет помогать нам сделать этот мир лучше, то что, как не это, приведет к спасению наших душ?

– Вы всегда верили в Бога?

– Да.

– А если бы не верили? Что бы делали тогда? Как насчет тех людей, которые хотят творить добро, но которым недостает веры? Вы не задумывались, что, возможно, спасли бы мир быстрее, если бы не приплетали Бога?

– По-твоему, чтобы кому-то стало удобнее, Лев должен предать свою веру, отказаться от своей сути и Божьего предназначения? Ты ведь осознаешь, что в любом другом контексте просить кого-то об отрицании основополагающей части его личности довольно странно? К тому же мы потеряли бы доверие к нам как к организации, не будь мы абсолютно честны во всех аспектах своей миссии.

– Тогда почему вы ни подтверждаете, ни отрицаете то, что Лев Уоррен видит будущее и воскресил девушку?

О Льве Уоррене ходят слухи. Я нашла их на страницах «Реддита»[6 - Социальный новостной сайт.] в комментариях, а еще между строк различных статей. Большинство людей склонны считать Льва хорошим человеком, а просочившееся в Сеть аудио с проповеди 2014 года, на которой он предсказал итоги президентских выборов 2016 года, вообще заставило призадуматься: и правда, уж не святой ли он? Первыми словами проповеди были: «Мне пришло откровение», а дальнейшие проследили путь до нашего жалкого настоящего. Они всплывают каждый раз, как под управлением Трампа случается что-то новое и ужасное. А случается оно теперь каждый день.

«Лев предупредил нас».

Фраза, что он воскрешает мертвых, должно быть, когда-то была гиперболой, но с каждым годом все чаще и чаще передается шепотом между верующими и потенциальными верующими. «Единство» отказывается как-то комментировать эти слухи, окружая Проект ореолом чего-то более значимого. Слухи и так работают на него как реклама.

– Мы никак не отвечаем на подобные слухи и спекуляции, – говорит Дана, – поскольку подобные разговоры отвлекут нас от нашей работы. Откуда ты впервые узнала о Проекте, Глория?

– Из статьи в журнале «Вайс». Вас посчитали возможным культом.

– Верно. – Она делает глоток кофе.

– И?

– И… – Дана ставит стаканчик на стол и начинает медленно крутитьть его в руках. – «Единство» никогда не просило меня о том, чего я не готова была дать сама. Никогда не просило о том, чего не имело права просить. Меня никогда не просили давать ложные показания и не использовали в качестве политической пешки. Меня никогда не подвергали опасности и не запугивали. И при желании я всегда могу оставить Проект. – Она ненадолго замолкает. – Об армии я того же сказать не могу.

Ее взгляд скользит по моему шраму, и я внутренне подбираюсь, готовясь к «я тебя понимаю», но Дана не произносит этих слов. Она словно пытается увидеть,

что этот шрам скрывает. Слишком многое. Я смотрю в сторону.

– Твой тон знаком мне, – замечает женщина, – не раз такой слышала.

– Какой же он?

– Скептический. Пренебрежительный.

– Вы считаете себя божьими избранниками.

– Я и есть избранница Бога.

– Пока платите за свое членство.

– Вообще-то, от членства это не зависит, – отвечает Дана. Похоже, она довольна промелькнувшим на моем лице замешательством. – Видишь ли, это как раз то, чего большинство людей не понимают, Глория. Мы все – избранники Бога. Он провозгласил это своим самопожертвованием. Со временем мы потеряли способность чувствовать свое призвание. Божественный дар Льва заключается в том, что он видит наше предназначение и открывает нам самим на него глаза. Сегодня ты тоже можешь прозреть. Можешь принять дар Льва, а можешь от него отказаться. Это твой выбор и всегда им будет. Если же ты судишь нас за наш выбор?.. Дело твое. Мы перед тобой ни в чем не виноваты. – Она оценивающе оглядывает меня. – Ты еще так юна… Старшеклассница?

– Мне девятнадцать. Бросила школу. Но аттестат получила.

– А-а-а! – Дана понимающе кивает.

– Что?

– У нас есть члены, которые отказались от традиционного пути. Их всех объединяют схожие… черты. – Дана поясняет сказанное, опережая мой вопрос: – Неприятие к групповой работе. Недоверие к системе. Желание бороться с ней. Это определенный тип людей. Ты не общественница, но при этом хочешь оказывать влияние на людей, и именно эта часть тебя задает вопрос: что случится, если ты сегодня сядешь на этот поезд?

Из колонок раздается резкий треск помех.

– Внимание, пассажиры! Поезд сорок один из Мореля до Беллвуда, с остановками в Пикскилле, Кротон-Хармоне и Оссининге, прибудет через пять минут.

Пять минут.

Мне представляются возможные варианты катастрофы, к которой может привести эта поездка. Несложно принять то, что она закончится для меня ощущением беспомощной ярости и я по возвращении разобью в своей квартире все, что только можно разбить. Я и не такое переживала. Сложно принять другое: что маленькая сломленная девочка внутри меня бьется в выстроенные мной и разделившие нас с сестрой стены. Поскольку, несмотря ни на что, она по-прежнему жаждет тепла и любви.

На платформе уже много людей, их омывает золотистый свет прекрасного октябрьского утра.

Джереми Льюис уже не может им насладиться.

– В прошлом месяце здесь прыгнул на рельсы парень, – говорю я.

– Зачем?

– Он прыгнул под поезд. Погиб. – Я поворачиваюсь к Дане. Она вежливо округляет глаза – так делают, когда услышали что-то плохое и точно знают, как на это нужно реагировать. – Вы не слышали?

– Нет, – лжет Дана, глядя мне прямо в глаза, – не слышала.

* * *

Силуэт потрепанного ветрами сарая высится на фоне облачного неба.

Восемь лет назад семья Гарреттов отдала Льву Уоррену в пользование свою землю в обмен на бесплатную рабочую силу. В этом самом сарае он собрал свой небольшой кружок последователей и попросил принять участие в работе, которую называл в то время Божьей волей. Теперь перед строением стоит огромный белый шатер, и я смотрю на людей, направляющихся к нему по лабиринту из припаркованных в грязи автомобилей. Происходящее напоминает сборище религиозных фанатиков, в воздухе отчетливо пахнет извращенной, глупой верой.

Моя сестра тоже здесь.

Была здесь.

Приходится протолкнуть душу через эту реальность, чтобы в ней могло существовать мое тело. Я потеряла кучу времени, тщетно пытаясь увидеть происходящее глазами Би, понять его сердцем сестры. Не вышло. Я вижу все так, как оно есть: вогнанные в землю грязные края шатра; болезненный запах отчаяния в воздухе; коровье дерьмо; рыскающих в толпе членов Проекта, выискивающих самых слабых для своей паствы. Би была слабой. Я – нет.

И потому мы обе сегодня здесь.

– Удивительно, правда? – спрашивает Дана.

Судорожно сглотнув, с трудом нахожу голос:

– Сколько из присутствующих – члены «Единства»? – Не верится, что хотя бы половина из них – уникальные посетители. Большинство – партийцы. Знают, как вера заразительна. Для них важно показаться среди масс, похлопать в ладоши и крикнуть «аминь».

– Меньше, чем тебе кажется.

Я ежусь на холоде и потираю ладони. Увидев прореху в толпе, представляю на пустующем месте Джереми – с улыбкой, как на фотографиях. Внимательно оглядываю людей, ожидая при виде Би удара под дых. Сестры не нахожу.

– До проповеди ты Льва не увидишь, – сообщает мне Дана.

– Понятно, – отвечаю я, словно его и искала.

Я поднимаю ворот, защищаясь от колючего воздуха. Мы направляемся к шатру, выцепляя по пути обрывки разговоров. Многие приехали сюда ради родных и друзей. Есть такие, кто недавно оставил церковь, пытается отыскать что-то «правильное» и надеется, что пришел по адресу. Маленькая девочка жалуется своей маме на холод, и незнакомец уверяет, что шатер обогревается. На входе в него меня взмахом руки останавливает мужчина. Сердце ухает вниз. Мужчина высок и худощав. Его светлые с рыжинкой волосы убраны за уши и, спускаясь до основания шеи, закручиваются на концах. Бледное лицо обрамляет аккуратная рыжая бородка. На нем синие джинсы, серая рубашка «Хенли»[7 - Футболка с длинным рукавом и воротником на пуговицах.], стеганая камуфляжная жилетка и черные перчатки. Он пристально смотрит на меня, дольше необходимого. Я смотрю в ответ. А что еще делать?

– Фостер, – произносит Дана.

– Дана, – он кивает на меня, – как зовут твою подругу?

– Глория.

– Подойди, руки в стороны. – Мужчина наклоняется, заглядывает в шатер и зовет: – Амалия.

Мгновением позже появляется девушка с вьющимися черными волосами и смуглой кожей. Одета она так же, как Фостер: джинсы, рубашка «Хенли», камуфляжная жилетка, перчатки.

– Это еще что?

– Обыск, – отвечает Дана, – после него пропустят внутрь.

– Вы серьезно?

– Проверяют каждого. Меня – следом за тобой.

Я делаю шаг вперед и вытягиваю руки. Амалия едва заметно улыбается мне, после чего ощупывает мое тело: руки, ноги, спину бока. И на этом не останавливается. Они открывают и обшаривают мою сумку. Фостер достает из бокового кармана мобильный.

– Это вряд ли, – протягиваю я за ним руку.

– С ним ничего не случится.

– Отдай телефон.

– Я не могу пропустить тебя с ним на проповедь.

– Что это такое? – поворачиваюсь я к Дане.

– На проповедь запрещено проносить любое электронное устройство, которым можно записать аудио или видео, – четко и отрывисто объясняет Фостер. – Эта информация есть на веб-сайте.

– И чего так? Лев не придерживается своих слов?

– Разумеется, придерживается. И если бы он был уверен в том, что его слова не извратят, чтобы дискредитировать нас, он позволял бы делать записи. Сейчас мы предпочитаем предотвращать распространение потенциальной дезинформации.

– Где вы храните технику?

– В доме.

Выдохнув сквозь сжатые зубы, говорю Фостеру, что хочу отключить свой мобильный. Они ждут, пока я это сделаю, после чего Фостер кладет мой «Самсунг» в контейнер с собранными у других людей телефонами. Настает черед обыска Даны. Он проходит точно так же, как мой. Наблюдая за ним, понимаю: это трюк. Так посторонние не узнают, кто из присутствующих на проповеди – член Проекта, а кто – нет. Дане не приходится отдавать мобильный.

После нашего досмотра Фостер отходит в сторону со словами:

– Добро пожаловать, Глория.

Внутри так душно, что сразу накатывает дурнота. По обеим сторонам шатра стоят ряды скамеек, но для всех собравшихся снаружи вряд ли хватит места. В задней части палатки, вернее, в передней, есть прозрачное пластиковое окно, через которое льется серый свет. Я ожидаю увидеть трибуну, однако таковой нет. Дана держится рядом со мной.

– Не помню, чтобы меня в церкви обыскивали.

– Мы знаем из истории, что обычно случается с такими, как Лев.

Я еле сдерживаю смех.

– Кто-то хочет убить Льва Уоррена?

– Обернись. Посмотри, сколько тут народу. Нынешняя администрация и ее сторонники видят угрозу национальной безопасности в тех принципах, которые исповедует «Единство». И они знают, что Лев предвидел их приход к власти.

Я бросаю взгляд на Фостера. Тот обыскивает мужчину среднего возраста, пока остальное семейство из четырех человек ждет своей очереди. У меня возникает неприятное чувство.

– Фостер с Амалией вооружены?

– Давай сядем там. – Дана указывает на скамейку в пятом ряду.

До проповеди осталось десять минут, но шатер заполняется неспешно, с постоянными остановками: осматривают каждого вошедшего. Я продолжаю искать сестру, но по-прежнему не нахожу.

Чем больше людей занимают места, тем сильнее ощущается в воздухе скопившаяся энергия. Шатер заполняется, и отрывистые возбужденные голоса становятся до крайности напряженными и ведут к крещендо, которое, боюсь, в

какой-то момент разорвет нас на части. А потом, за секунду до взрыва, вдруг наступает тишина. В задней части шатра что-то происходит. У меня потеют ладони. Лев Уоррен, возможно, неразрывно связан со мной и является клеймом на моей жизни, но я никогда не находилась в одном месте с ним. Я резко разворачиваюсь.

Это не он.

Пока нет.

У входа в шатер стоит белая женщина, высокая и изящная, с длинными кудрявыми рыжими волосами. Это Кейси Байерс – представитель «Единства», наследница «НуКолы». По слухам, до членских взносов проект финансово поддерживал ее трастовый фонд. Она одета в белое платье, облегающее изгибы ее тела. На ее лице – нежная улыбка.

Кажущаяся мне оскалом.

Когда Кейси идет по проходу, я сутулюсь, стараясь сделаться незаметной.

Выйдя вперед, она обводит собравшихся теплым взглядом.

– Добро пожаловать. – Ее тихий голос требует абсолютной тишины. – Меня зовут Кейси Байерс. Я состою в Проекте «Единство» с первых дней его существования. Тогда нас было всего несколько человек. Кучка детей, по правде говоря. Мы собирались в сарае, который вы видели на холме, и говорили об откровении Льва. О Божественном откровении. В те дни я представляла вас всех рядом с собой, и теперь… вы здесь. – Она делает паузу. – На этой проповеди оказывается определенный тип людей. Возможно, вам больно, вы злитесь, смятены или одиноки. Вы жаждете быть увиденными. Хочу, чтобы вы знали: я вижу вас. Я вижу вас, потому что когда-то была вами.

Кейси умолкает, пережидая одобрительные – и слегка затянувшиеся – аплодисменты.

– До «Единства» я не видела в жизни смысла. У меня было все, я ни в чем не нуждалась, но чувствовала себя неполноценной. Я была пуста и желала

заполнить эту пустоту, и погрязла в грехах и пороках. Надеялась… – ее голос дрогнул, – надеялась умереть до того, как кто-нибудь поймет, насколько я ничтожна. Но потом меня увидел Лев Уоррен.

Кейси закрывает глаза.

– И я осознала, как изголодалась моя душа и как отчаянно ей хочется верить во что-то большее, чем я сама, и чтобы… верили ей. Невозможно описать то, что вы испытаете. Этого не передать никакими словами. Лев Уоррен показал мне меня глазами Бога, и я перестала бояться, перестала терзаться и перестала чувствовать себя одинокой. Я прошла по пути теории Уоррена и искупила свои грехи. Жизнь наполнилась смыслом. Я живу надеждой. И чувствую себя цельной. Сейчас Проект «Единство» дарит вам ту же возможность. Вера без добрых дел мертва. Наша вера сильна и жива.

Она открывает глаза, и ее взгляд устремляется за наши спины:

– Позвольте ему показать вам.

В шатре воцаряется явственно ощутимое тихое благоговение, а потом кто-то начинает подвывать, и этот жалобный звук перекрывает все остальные. Затем начинается хаос: присутствующие кидаются ко Льву, желая узреть происходящее своими глазами поближе. Я даже мельком не успеваю увидеть Уоррена – так быстро его окружают верующие. Уследить за его продвижением вперед можно лишь по колыханию толпы. Как только Лев приближается настолько, чтобы я наконец смогла его различить, меня хватают за руку и насильно сдергивают с места. Я машинально тянусь к Дане, но она стоит спиной ко мне. Зову ее, но она не слышит. Приверженцам Льва нет никакого дела до девчонки, пытающейся освободиться из болезненного захвата. Мелькает мысль, что если бы я погибла – прямо здесь, прямо сейчас, никто бы этого не заметил.

Меня схватил Фостер. Он грубо тащит меня за собой через ряды скамеек на улицу, где холодный воздух опаляет кожу и легкие, сразу проясняя голову, затуманенную духотой шатра.

– Убери свои гребаные руки…

Фостер молчит и не отпускает меня, пока не отводит подальше от палатки. К тому времени я готова вцепиться в его горло зубами.

– Пошел ты! Не смей прикасаться ко мне!

Стоп. Зажмуриваюсь и делаю глубокий вдох. Я уже показывала себя «Единству» дикой и заплаканной девочкой. Сегодня такой не буду.

– Ло!

Распахнув глаза, закрываю лицо рукой. Кейси!

Фостер отходит в сторону, и я вижу ее. Со мной пришлось разбираться так быстро, что Кейси даже не успела накинуть на плечи пальто, хотя замерзшей не выглядит. Выглядит красивой, как с картины. Ветер развевает ее волосы, и, будь небо безоблачным с проблесками солнца, свет нимбом засиял бы у нее над головой. Прям плевок в лицо.

– Я хочу увидеть Би! – Бессмысленно говорить что-либо еще.

– А она хочет увидеть тебя?

– Приведи ее сюда, и мы спросим.

Кейси ничего не отвечает на это.

– Приведи ее сюда.

– Не могу.

– Тогда покажи, где она.

Когда Би перестала общаться со мной и отвечать на мои звонки, со мной пришлось иметь дело Кейси. Я по полной отрывалась на ней и ничуть не сожалею об этом. Меня тогда охватывала такая горячечная настойчивость, какую теперь даже сложно представить. Во мне пылал чистейший негасимый

огонь. Звонки, е-мейлы, последний мучительный разговор, который должен был происходить между мной и сестрой, а происходил между мной и ее посредником…

– Фостер, – поворачивается к нему Кейси, – Ло уходит. Верни ей телефон.

Кивнув, он направляется в дом.

Кейси медленно оглядывает меня с головы до ног, вызывая неприятное чувство. Временами в ней есть что-то от родителя: такой взгляд бывает у классических мам и пап – терпеливо-снисходительный, полный разочарования, который мне не довелось увидеть у своих преждевременно погибших родных.

Поднимаю руки, словно сдаваясь.

– Слушай, я здесь не для того, чтобы создавать проблемы.

– Правда? Зачем тогда просила своего начальника копать под нас, используя в своих интересах наше горе, нашу боль и нашу потерю?

У меня замирает сердце.

– Ты следишь за мной, Кейси?

Или это Би?

– Я много всего о тебе знаю, но и представить не могла, что ты способна на такую чудовищность и жестокость: раздуть сенсацию из смерти Джереми, отправив сюда вынюхивать что-то Пола Тиндейла в надежде заполучить нескольких новых подписчиков для его провального журнала…

– Если в Проекте погибают люди, об этом стоит написать.

Имя Пола из уст Кейси вызывает у меня рвотный рефлекс.

До нас доносится скрип открываемой и закрываемой входной двери, и Кейси бросает взгляд мне за спину. К нам с моим мобильным в руке идет Фостер. Как только телефон отдадут мне, разговор будет окончен, а я и близко не получила желаемого. Кейси переводит взгляд на меня.

– Твой начальник не нашел ничего дурного, и ты это знаешь, – говорит она.

– Это было до того, как он узнал, что Джереми погиб у меня на глазах.

Наверное, я впервые в жизни застигаю Кейси врасплох. Ее лицо вытягивается и бледнеет, но уже через секунду его вновь закрывает привычная маска и взгляд становится непроницаемым.

Продолжаю давить:

– Я присутствовала при случившемся, Кейси. Все видела. И теперь Пол крайне заинтересован услышать мои соображения по поводу «Единства».

– Ты лжешь.

– Нет. Но если ты дашь мне увидеться с Би…

Я открываю карты, чего не следовало бы делать, но мне больше не за что зацепиться.

– …то тебе не придется читать о том, что я знаю, в «СВО».

Кейси сверлит меня взглядом, ища трещины в моей выдержке, но я стойко держусь.

– Мы не ведем переговоров с шантажистами, – наконец заявляет она. – Тебе здесь не рады, Ло.

– Но Проект приглашает всех.

– Всех, у кого открыты сердце и разум. – Из шатра доносится череда произнесенных хором «аминь». Здесь это слово слышится глухо и отдает пустотой. – Ты же доказала сегодня, что по-прежнему полна злости и пренебрежения и лишь жаждешь разрушить то, чьей частью быть не заслужила. – Кейси скрещивает руки на груди и дрожит – холод в конце концов пробрал и ее. – Если ты продолжишь настойчиво пытаться изобличить нас, то ничего не добьешься. Нам скрывать нечего.

Подошедший Фостер протягивает мне мобильный. Я не глядя выхватываю телефон из его рук. Мой взгляд прикован к Кейси. Она разворачивается и идет к шатру, где ее ждет бог со своими последователями… и моей сестрой.

– Иди с миром, Ло, – бросает мне Кейси, не оборачиваясь. А потом велит Фостеру: – Проследи.

В понедельник я открываю на работе Гугл и забиваю в поисковой строке «Би Денэм».

Ни одного результата.

А раньше ее имя можно было увидеть в некрологах наших родителей, в ее брошенной странице на Фейсбуке, в паре упоминаний о ней в рассылке ее старшей школы. Однако через год после ее присоединения к Проекту все это исчезло, как и она сама.

Печатаю в поисковой строке «Ло Денэм». Ни одного результата. Мы существуем вообще?

Звонит телефон, и меня внезапно доканывает короткое молчание на другом конце трубки, за которым, как обычно, следует тяжелое дыхание. Я прижимаю пальцы ко лбу.

– Тебе больше нечем заняться? – спрашиваю устало.

Тишина.

Я вешаю трубку и возвращаю взгляд на экран.

– Денэм! Ко мне в кабинет.

– Зачем? – спрашиваю рассеянно и, только услышав хихиканье Лорен, осознаю, что сказала. Повернувшись на вращающемся кресле, вижу стоящего в дверях Пола с удивленно вскинутыми бровями. Он молча уходит к себе, оставив дверь открытой. Я тру глаза, пытаясь набраться сил для того, что последует дальше – чем бы оно ни было, затем иду в кабинет.

Пол уже снова расположился за столом.

– Садись. – Он наблюдает за мной, положив подбородок на сцепленные пальцы и, стоит мне сесть напротив него, отвешивает словесную пощечину: – Меня кое-что беспокоит после нашего последнего разговора. И я хочу убедиться, что ясно выразился и провел разумную черту под любыми твоими ожиданиями, ради которых ты, возможно, работаешь здесь. – Пол секунду молчит. – Не знаю, чего ты ожидала, когда я тебя нанимал, Денэм, но я не ищу сейчас штатного писателя. А если бы искал, то недостаток образования и опыта стал бы серьезным препятствием для получения тобой этой должности. Я думал, все очевидно, но, если ты рассчитывала на другое, мне жаль.

Стараюсь сохранить бесстрастное выражение лица:

– Лорен тоже начинала твоей помощницей.

– Лорен была сверхквалифицирована для этой работы, – отвечает Пол. – Тогда я не мог предложить ей большего, но продвижение по службе было всего лишь вопросом времени. Тебе же я предлагаю эту и только эту должность…

– Ты что, не можешь доверить мне хотя бы корректуру или проверку фактов? Хоть что-нибудь? – всплескиваю я руками. – Секретарь из меня никудышный.

– Ты хочешь продолжать работать здесь или нет? – спрашивает Пол и, судя по тону, искренне интересуется этим. – Мне нравится, что ты с нами, Денэм.

Мы долгое мгновение смотрим друг другу в глаза.

– Да, я хочу продолжать работать здесь, – наконец отвечаю я и встаю, прежде чем Пол погрузится в дальнейшее противостояние – порой он любит это делать. – В три ты свободен. Боб Денбро отменил встречу.

– Чем, интересно, начальник полиции будет заниматься весь день?

– Перенесу встречу на другой день. Как договорюсь, дам тебе знать.

– Отлично. Днем подремлю.

Пошел ты, Пол!

Я выхожу из кабинета, тихо прикрывая за собой дверь и усиленно пытаясь подавить злость и разочарование, которые готовы затопить меня с головой. Останавливаюсь перед своим столом и смотрю на него достаточно долго, чтобы взглянувшая на меня Лорен поняла, о чем я думаю.

– Пообедаю сегодня пораньше, – сообщаю, не обращаясь ни к кому конкретно.

Взяв пальто, ухожу. На улице сразу засовываю руки в карманы. Морель украшен соответственно завтрашнему Хеллоуину: бумажные тыквы-фонари; привидения и ведьмы в витринах магазинов; жутковатые пугала, установленные на каждой пустующей клумбе. Я пересекаю улицу, беру себе кофе в закусочной и сажусь за столик у окна, из которого прекрасно виден офис «СВО».

Раньше этот вид делал меня счастливой.

Мне было пятнадцать, когда я впервые прочитала биографический очерк Пола в «Нью-Йорк Таймс». В нем были строки, поразившие меня как гром небесный, причем в самый нужный момент. Пола спросили о том, как много значит для него его работа и как много значит его жизнь благодаря этой работе. Он ответил так: «Знаете, у меня нет ни ребенка, ни спутницы жизни. Благодаря своей работе я оставляю неизгладимый отпечаток на жизнях других людей, надолго поселяюсь в их сердцах. Я пишу только правду и только истину, поскольку они вечны. Чем ближе ты к сути, тем невозможнее твои слова отрицать».

Тогда я впервые после аварии почувствовала: моя жизнь может что-то значить. Я писала, любила писать, и это единственное, что не изменилось после автокатастрофы. А за этим открытием – я могу писать, чтобы что-то значить, чтобы существовать! – последовала встреча с Полом, который выбрал меня своей помощницей.

В то время это казалось чертовой судьбой.

Я проглатываю остатки кофе и захожу в корпоративный чат. Пол приглашает всех после работы выпить в баре Маккрея, и я тоскливо наблюдаю за приходящими подтверждениями. Я тоже могла бы пойти в бар и взять себе безалкогольный напиток, но мое присутствие разрушает атмосферу. Никто не хочет говорить при девятнадцатилетнем «ребенке» о своих самых худших деяниях или о том, кого он трахал, – буквально или фигурально.

В конце рабочего дня все идут в бар, я же остаюсь в офисе, сказав Полу, что хочу разобраться во входящих сообщениях. Он напоминает, чтобы я не забыла запереть дверь. Когда на горизонте становится чисто, я захожу в кабинет Пола, сажусь в его кресло и, положив ладони на стол, долгое время пытаюсь представить себе любую другую жизнь, которой была бы довольна. Не получается.

* * *

На звонки Пола у меня установлен рингтон с требовательными и повелительными нотками, поэтому мне даже веки разлеплять не надо, чтобы знать: звонит он. Я шарю в поисках мобильного, краем сознания отмечая, что ноутбук опасно кренится на краю матраса. Рядом лежит полусъеденный ужин из полуфабрикатов. Еще рань несусветная, и Пол извиняется за то, что разбудил меня, после чего спрашивает, не болтался ли кто у нашего офиса, когда я уходила. Я озадаченно потираю глаза, сгоняя сон.

– Что? Нет.

– Значит, ты просто заперла дверь и ушла?

– Да. Что случилось?

– Кто-то вломился в офис и перевернул все вверх дном.

Я резко вскидываюсь, принимая сидячее положение, и перехватываю чуть не упавший на пол ноутбук. Затем вылезаю из постели, иду к стойке с вешалками и на ощупь стаскиваю с одной из них джинсы.

– Охренеть, Пол. Сейчас приеду.

– Нет, Денэм. Тут бардак, а я не в состоянии сейчас все это разгребать, у меня похмелье. Позвонил сказать тебе, чтобы ты не приходила. Чтобы убрать тут, нужна прорва времени. Я уже вызвал копов, подал заявление…

– Каков ущерб?

– Взломанная дверь. Повсюду разбитые стекла… Может, обожранные придурки из общественного колледжа уже начали праздновать Хеллоуин?

Я натягиваю джинсы, прижав мобильный плечом к уху.

– Весь офис разгромлен. Мой комп разворочен. Нужно будет связаться с компьютерщиком, чтоб посмотрел, можно ли его восстановить.

Начинаю говорить «боже, Пол…», но он меня обрывает:

– У меня есть резервные копии, но это, конечно, жесть…

– Что с остальными компами?

– Выглядят нетронутыми, но на всякий случай и их проверят. – Почти вижу, как он сжимает пальцами переносицу. – Самое плохое, что не понять, залезли напакостить от нечего делать или конкретно мне и журналу. Теперь это до смерти будет меня изводить. Возможно, в этом и цель? Но больше ни к кому на этой улице не забрались.

– Ты реально подозреваешь студентиков?

– Не знаю. Слушай, а ты вчера на меня сильно разозлилась?

– Ты, блин, серьезно?

– Расслабься. Шучу. Но помни, я всегда вижу, когда ты злишься на меня.

– Как сейчас? Я заперла дверь, Пол! Господи.

– Да, – вздыхает он, – знаю, что заперла. Если у тебя есть мысли по поводу того, кто это сделал, то поделись ими со мной, Денэм, потому что у меня мысли только о том, как этот долбаный бардак ликвидировать.

Я колеблюсь. Нет нужды гадать, какая реакция будет у Пола, узнай он, что я за его спиной стала копать под «Единство» или что Лев Уоррен с Кейси Байерс теперь верят, будто «СВО», как и я, горит желанием спалить их дотла. Или думают, что я владею информацией о смерти Джереми, которой не обладают они.

А может, взлом является следствием и первого, и второго, и третьего, поэтому я ничего Полу не говорю.

– Я выйду тут.

Отрываю взгляд от мобильного: карта указывает, что я на месте. Взгляд в окно подтверждает это.

Таксист смотрит на дорогу.

– Уверены? Далеко же идти.

Я достаю из кармана деньги за поездку и отдаю их таксисту. Он берет их, нахмурившись.

– Я могу подвезти вас ближе.

– Спасибо, не надо.

Выхожу из машины. С неба медленно летят большие пушистые снежинки. Сунув руки в карманы, иду по неасфальтированной дороге. Такси выезжает на главную дорогу и, шурша шинами, уносится прочь. Я остаюсь одна.

Без возбужденной толпы, припаркованных поблизости как попало автомобилей и раскинувшегося возле сарая огромного шатра ферма Гарреттов выглядит иначе. Однако в воздухе до сих пор ощущается отголосок бурлившей тут раньше энергии, словно все здесь только и ждет своего следующего священного мгновения.

Мерзлая земля под ногами тверда. Холод пробирает до костей, которые и так дают о себе знать в плохую погоду. Сросшиеся косточки сильно ноют, точно больной зуб в десне со свищом. Пэтти сильно превосходила меня годами, но мое тело было настолько потрепано, настолько слабо, что из нас двоих именно я ощущала себя старухой. Ссутулившись, тяжело пробираюсь вперед, пытаясь игнорировать тот факт, что внутри все бунтует. Дом стоит в самом дальнем конце фермы, и, когда я добираюсь до него, кончики пальцев у меня уже синие от холода.

Двухэтажное здание с белой обшивкой и свинцово-синими акцентами выглядит тоскливо и навевает ностальгию по прошлому. В нем прожило немало поколений. Дом хорошо сохранился, но местами достаточно обветшал, чтобы выглядеть скромно или создавать иллюзию смиренности. В конце концов, Иисус родился в хлеву. На крыльце дряхлая сетчатая дверь, за которой находится крепкая деревянная. На террасе, под панорамным окном с задернутыми занавесками, стоит ветхое плетеное кресло.

К крыльцу ведет узкая дорожка из плоских, вдавленных в землю камней. Я ступаю на первый из них, когда медленно и с трудом открывается крепкая дверь – за нее держатся крохотные ладошки. Сетчатая дверь дается этим ручонкам гораздо легче: она распахивается, протестующе скрипнув. Из дома выбегает маленькая девочка и сразу же исчезает на заднем дворе. Меня она не замечает. Сознание отражает появление малышки только после ее ухода, и я прокручиваю произошедшее в голове, отмечая детали: девочка еще совсем кроха, каштановые волосы стянуты в небрежный хвостик, желтый пуховик, яркие розовые сапожки. Секунда – и ее уже нет. Интересно, это было что-то вроде побега? Может, следует пойти за мелькнувшей девчушкой?..

Малышка оставила деревянную дверь открытой, и за сетчатой дверью зияет черная дыра. Я иду по каменной дорожке, не отрывая взгляда от этой тьмы, пока к ней не привыкают глаза. В тенях видны очертания фигуры, не выходящей на свет – наблюдающей за мной. Застыв, оглядываюсь. Ладони подрагивают, затылок покалывает, все мое существо реагирует на вопрос, который разум боится задать. Я судорожно сглатываю. Откажется ли Би от меня сейчас, здесь?

Когда сетчатая дверь открывается, у меня перехватывает дыхание.

Но это не Би.

Это Фостер. Он выходит на крыльцо и рассматривает меня так же внимательно, как и я его. На нем поношенные джинсы и клетчатая зимняя куртка. В таком одеянии он не похож на охранника, но выглядит очень даже солидно.

– Тебе не следовало приходить, – говорит он.

– А вам не следовало вламываться в мой офис.

От неожиданности Фостер, уже направившийся ко мне, останавливается. Но лишь на миг. Мы с ним совершенно одни на большом открытом пространстве. Меня бьет дрожь. Ярость, приведшая меня сюда, стихает. В голове всплывает вопрос, заданный мной Дане на проповеди: «Фостер с Амалией вооружены?»

– Кейси сказала, Проекту нечего скрывать, – напоминаю я. Мой голос дрогнул при приближении Фостера.

– Нечего.

Я вздергиваю подбородок.

– А ведете себя так, будто есть что.

Фостер останавливается передо мной, и я делаю шаг к нему, сокращая разделяющее нас расстояние, бросая ему вызов всем своим телом, говоря им: «Я не боюсь тебя», – хотя это не так.

– Я хочу поговорить с Би.

– Разворачивайся, – отвечает Фостер, – и возвращайся к своей жизни.

– Нет.

– Проваливай отсюда и оставь нас в покое.

– Где, мать твою, моя сестра?

– Уходи, пока чего не случилось.

Пульс молотом стучит в висках: от его угрозы и моего упрямого нежелания внять ей.

От того, как он смотрит на меня.

От того, что сетчатая дверь дома медленно открывается и раздается мягкий незнакомый голос…

Он произносит мое имя.

2012

Он снится Би.

Снится в снах, в которых не следовало бы видеть мужчину, настолько близкого к Богу. Во всяком случае так кажется Би, когда она просыпается по утрам, натянутая, как стрела, учащенно дыша. Он звонит ей поздно вечером, когда она лежит одна в своей постели, в пустующем доме, – всегда звонит и никогда не пишет сообщения, чтобы узнать, как она. Ее разбитое сердце взывало к нему в больнице и взывает сейчас, но уже без отчаяния: у Бога всегда найдется для нее время.

Лишь об этом Би может думать сейчас, что до безумия пугает ее. Но она не в силах отказаться от участия в божественном плане. Представлять себе новое будущее столь скоро, когда рукой подать до разрушенного прошлого, кажется неправильным. Но что еще делать? Похоронить себя вместе с родителями?

Они хотели бы, чтобы Би жила.

* * *

– Последний час она только и спрашивала о тебе, – говорит Пэтти.

Больница украшена в честь Дня святого Валентина: на стене висят бумажные цепочки из красных и розовых картонных сердечек. Би это отвратительно, но не настолько, как больница в декабре с ее яркими елками в блестящей мишуре и лампочками в форме карамельной трости – в их первое Рождество без родителей.

– Она всегда только и спрашивает обо мне, – резко отвечает Би, сама не зная, чем Пэтти ее раздражает. Та не обязана здесь находиться, но вот приходит, помогает принимать тонну решений и разбираться с бумажной волокитой, сопровождающей подобное бедствие. Пэтти старше, представительнее, жестче и более стойкая. Би как-то спросила ее, почему они никогда не встречались, и Пэтти ответила: «У нас с твоей мамой разные жизни. Мне достаточно было знать, что вы живете своими». У поколения Пэтти сильно развито чувство долга, отзывчивость в час нужды. Сейчас как раз такой час.

– Ты должна больше находиться здесь, – укоряет Пэтти. – Где ты пропадала?

Ничто не готовило Би к тяжелейшему выздоровлению Ло или к тому, сколько времени высвободится для переживания страшных потерь. В больнице душно и тяжело дышать. Иногда она в одиночку бродит часами по городу, иногда рыдает на кладбище над родительскими могилами, пока последствия аварии не зовут назад, в больницу. И Би благодарна Кейси за подаренные ей короткие мгновения душевной передышки: когда та появляется вдруг из ниоткуда и предлагает ей кофе и свое плечо, на котором можно поплакаться. Благодарна за вечерние звонки. Его звонки.

– Нигде, – отвечает Би.

* * *

Когда Би заходит в палату, сестра притворяется спящей. Ее выдает нахмуренный лоб. Во сне лицо Ло от лекарств разглаживается, если не считать ярко-розового шрама через всю левую щеку.

Похоже, Ло теперь не может полностью расслабиться и с наступлением ночи мучается паническими атаками, но, как положено, послушно лежит с закрытыми глазами. Время, проведенное в реанимации, под аппаратом искусственной вентиляции легких, спутало ее сознание неожиданным образом. Раньше Ло боялась необъяснимого. Теперь она видит это необъяснимое. Иногда она в поту, возбужденная, слепо цепляется за руку Би и говорит, что в изножье ее постели стоит – или стоял – мужчина, тянущий к ней руки. Ло боится, что все, в чем она не уверена, действительно происходит с ней.

Би чувствует себя не скованной своим телом рядом с Ло, находящейся в ловушке собственного, привязанная к нему болью. У сестры раздроблены коленные чашечки, ключица и левый локоть. Сломана левая рука. После аварии ее сразу вскрыли и вытащили селезенку, затем зашили, занеся инфекцию, которая чуть не убила Ло и помимо мириад других последствий ослабила сестру до предела. И вот перед Би человек, в которого Ло превратили потери и травмы.

Би еще не совсем понимает девочку, выжившую в автомобильной катастрофе, но довольно быстро приходит к душераздирающему заключению: сестра, какой Би ее знала, погибла вместе с мамой и папой. Первый месяц после того, как Ло очнулась, Би пыталась окутать ее уютом прошлого: нашептывала в ее ушко их обоюдные воспоминания, рассказывала о ее рождении, о том, как Ло впервые произнесла ее имя. Ло безэмоционально слушала эти истории и после каждой из них говорила, что ничего этого не помнит и не понимает, о чем Би говорит. Это привело к пугающим неврологическим тестам. Боялись, что авария нанесла Ло не только видимые, телесные повреждения. Однако оказалось, что при желании сестра может все вспомнить, просто не хочет.

Сидя в кресле возле кровати Ло, Би обхватывает пальцами тоненькое запястье сестры. Ло всегда была хрупкой, но не настолько. Она так похудела и истончилась, что похожа на смерть. Би никогда в этом не признается, но у нее

это вызывает отвращение.

Ло еще миг продолжает притворство, но потом высвобождает руку и отворачивает лицо. Наверное, у нее мигрень, поскольку короткое движение вызывает судорожный вздох, потом стон, потом слезы. Ло должна сообщать врачам о приближении приступа головной боли. Видимо, сейчас не сделала этого, чтобы наказать Би за ее отсутствие.

Би снова тянется к руке сестры.

– Я знаю, милая, знаю…

– Нет, – шепотом, – не знаешь.

Би думала, Ло будет рада, что рядом остался близкий человек, как она сама рада этому, но Ло зла, очень зла. Она очнулась, а родителей нет, они умерли. Она очнулась в болезненном, слабом, терзаемом болью теле. Она смотрит на Би, и Би видит в ее глазах вопрос: «Почему?» И Би знает: никакой ответ не устроит сестру.

Даже если его даст Ло сам Бог.

* * *

Лев терпелив.

Когда Би спросила, подождет ли он ее, пока Ло не станет легче, он ответил, что раньше этого времени ее и не ждал.

Каждый день она мечтает о том, чтобы это «раньше» наконец настало.

Би устала от больницы, где Ло злится и страдает от боли, а она ничем не может ей помочь, и не имеет значения – рядом она или нет. Она устала от упреков Пэтти, ожидающей, что чувство долга Би возьмет верх над ее собственными нуждами и желаниями. И почти каждый вечер звонит Лев, напоминает о предстоящей работе, о том, что им ее не хватает, о том, как она необходима им

для борьбы. Им нужны ее неистовство, ее импульсивность, ее прекрасное бескорыстное сердце. Би дышит этими словами и заставляет его повторять ей их снова и снова. Пэтти и Ло – обе видят в ней эгоистку.

– Бог никогда не выбрал бы эгоистичного человека. Бог не совершает ошибок, – успокаивает ее Лев.

Когда Би впервые в жизни открылась сердцем Вселенной, она сделала это ради спасения другого.

Это не эгоизм, это чистота души.

– Бог послал мне откровение, – говорит Лев, а потом сообщает то, что ей еще только предстоит услышать от докторов: Ло выпишут из больницы к концу месяца. Раньше, чем надеялась Би. Раньше на целый календарный месяц.

Так оно и случится. Все происходит так, как он видит.

* * *

Выздоровление Ло продолжится дома. Пэтти обеспечит за ней уход у себя в Оссининге. По ее словам, Ло нуждается в большем, чем Би может ей дать. Она нуждается в человеке, который будет следить за тем, поела ли она и приняла ли лекарства, который будет относиться к ее травмам по-деловому, в чем Пэтти так чертовски хороша. Она нуждается в человеке, который будет говорить о ее боли, когда она сама не может или отказывается это делать. У Пэтти есть время. У Пэтти есть деньги. У Пэтти есть дом. И этот дом расположен возле хорошей больницы.

Ло уедет с Пэтти.

– Мы будем рады видеть тебя рядом с собой, – говорит ей Пэтти, – но вряд ли ты захочешь жить с нами.

Ло спит, на самом деле спит, когда Би заходит в палату. Лицо сестры отрешенно, губы приоткрыты, дыхание ровное и глубокое. Она такая хрупкая, что Би спокойно уместится с ней на постели. И Би ложится рядом с сестрой. В

горле ком, по щекам текут слезы. Она напряженно ждет того, чем займется рядом со Львом, но ее страшит цена, которую за это придется заплатить. Би любит Ло, какой бы она ни стала, даже если кажется, что в теле сестры чужой человек. И не важно, что авария лишила их секретного языка и стерла с лица земли их тайное, разделенное на двоих пространство. Подобное и так меняется, само по себе, поскольку ничто не вечно. Такова жизнь.

Однако есть и то, что никогда не изменится.

Би проводит пальцами по голове Ло, убирая с бледного лица волосы. Придвигается еще ближе.

– Я всегда буду твоей сестрой, – шепчет она. – Обещаю.

Би закрывает глаза. Ей снится Он.

Ноябрь, 2017

– Глория.

Он выше, чем я себе его представляла, и шире в плечах. На нем белая рубашка «Хенли», с закатанными рукавами, заправленная в поношенные джинсы. Кривизна выступающего носа намекает на трагическое насильственное взросление, которое широко освещено в литературе Проекта – нет ничего более вдохновляющего, чем преодоление трагического прошлого путем избранности Богом, – о чем говорит и настороженный взгляд темно-карих глаз. Волнистые черные волосы зачесаны назад, щетина окружает четко очерченные губы и покрывает резкий подбородок. Серебряный кулон, висящий на шее, бликует на слабом свету.

Позади него со скрипом медленно закрывается сетчатая дверь.

Он всего лишь обычный мужчина.

Кровь в венах снова вскипает от злости. Ярость столь сильна, что мне хочется броситься на него и разорвать на клочки.

Лев Уоррен испоганил мне жизнь, будучи всего лишь обычным мужчиной.

Фостер смотрит на Льва, и тот кивает в сторону заднего двора. Молчаливый приказ. Фостер уходит, оставляя нас одних. Та маленькая девочка, должно быть, под его опекой.

Лев поворачивается ко мне, встречается со мной взглядом.

Грудь болезненно теснит: что сестра видела и чувствовала в такие минуты? Видела в нем бога?

Серьезно?

Я это и тогда-то принять не могла, но хотя бы могла списать все на ее горе и внезапную, отчаянную потребность в вере перед лицом нашей потери. Теперь же, когда реальность стоит прямо передо мной, я еще меньше понимаю сестру и еще сильнее ее ненавижу.

Лев глядит на меня сверху вниз, ожидая моих дальнейших действий. Видно, следующий шаг должна сделать я. Осознав, что подобное вряд ли когда-нибудь повторится, неспешно преодолеваю оставшийся путь до крыльца, поднимаюсь по ступенькам и оказываюсь прямо перед Львом. Он внимательно изучает мое лицо, скользит взглядом по шраму, а потом ведет меня в дом.

* * *

Я следую за Львом по тусклому коридору: обшивка из темного дерева поглощает слабый свет, струящийся из окон двери, расположенной в другом конце дома. На стенах старые фотографии в рамках: ферма из прошлых дней, до Проекта, когда принадлежала Гарреттам. Вполне очевидно, что Гарретты больше здесь не живут. Интересно, куда они уехали и хотели ли уезжать? С радостью ли вверили свои жизни Богу или это была необходимость, связанная с увеличивающейся популярностью Проекта? Во сколько оценили свою жизнь и историю рода, чтобы оставить все позади? Цена им – деньги или благословение?

Лев поворачивает в маленькую кухню. Здесь намного светлее: солнечный свет льется из окна над раковиной. За стеклом видны играющие на заднем дворе Фостер и девочка. На столе и в раковине грязная посуда, остатки еды и крошки. Количество тарелок указывает на то, что здесь живет далеко не пара-тройка людей. Я прислушиваюсь: есть ли кто в доме? Прячется ли в нем Би? Слышно лишь тихое тиканье часов, доносящееся из другой комнаты.

Лев встает лицом к окну и, скрестив руки на груди, наблюдает за происходящим снаружи немым кино. Фостер с крохой, похоже, играют в салки, но даже отсюда видно сковывающее его напряжение: ему не по нраву, что в доме находится посторонний. Спустя минуту Лев разворачивается ко мне и, не расцепив рук, прислоняется к раковине. Вот он ничуть не напряжен. В обращенном на меня взгляде читается какая-то неотвратимость.

– Хорошо выглядишь. – Голос тихий, но твердый. Твердый, но без резкости. – Как ты?

Лев снова проходится внимательным взглядом по шраму, затем – по всему телу. Вопрос личный, и он не то чтобы имеет право его задавать, но не ответить на него будет трусостью.

– Полностью выздоровела.

– Хорошо. В таком случае проживание в Оссининге было благом для тебя.

Сжимаю губы, подавляя горькую улыбку. Жизнь у Пэтти, на ее условиях, конечно, не самое ужасное, что со мной случилось, но сказать, что это было «благом для меня», язык не поворачивается. Помню, как в день выписки из больницы я попросила Пэтти проехать на машине мимо моего дома. Помню чувство, охватившее меня, когда я увидела качели во дворе. Все выглядело как прежде. Казалось, потеря родителей – приснившийся мне кошмар, от которого я наконец пробудилась. Я рыдала, умоляла Пэтти выпустить меня из машины, но она сказала, что это навредит моему эмоциональному состоянию. Она и потом так считала, поэтому я никогда не возвращалась в свой дом.

«Мы с тобой уже говорили об этом», – заявила она, словно мы с ней о чем-то договорились, хотя, клянусь, об этом вообще речи не заходило. С того времени у

меня осталось множество пробелов в памяти и воспоминания о мучивших меня кошмарах, которые воспринимались мной реальнее происходящего в настоящей жизни. Некоторые из этих воспоминаний до сих пор приводят меня в замешательство, но теперь рядом нет никого, кто мог бы сказать мне, реальны они или нет.

Би позвонила мне в дом Пэтти только раз. Я тогда принимала сильные болеутоляющие и из всего разговора помню только последнюю сказанную ею фразу. Действительно реальную, а не выдуманную. Я уверена в этом, потому что она проникла мне под кожу, въелась в мышцы и дошла до мозга костей. Она стала моим спасательным кругом в последующие месяцы.

«Мы увидимся снова».

За два года у Пэтти я не видела ее ни разу. И, вернувшись в Морель, тоже не видела ее.

Я смаргиваю навернувшиеся на глаза слезы. Мы стоим со Львом Уорреном в маленькой кухне напротив друг друга, и я ощущаю себя так, словно на моих плечах неподъемная тяжесть. В голове мечутся мысли: «Он всего лишь обычный мужчина. Но если он всего лишь мужчина, то кто тогда я?»

Недосестра?

– Ты располагаешь моим временем. И моим вниманием, – произносит Лев.

– Я предпочла бы ее внимание и ее время. – Голос надламывается, и слова звучат слишком жалобно, чтобы оскорбить.

Взгляд Льва заставляет меня почувствовать себя запертой в ущербном теле, которое лишь выдает мою слабость. Закрыв глаза, отворачиваюсь.

– Я не держу твою сестру насильно, и Проект никогда не являлся для нее тюрьмой. Тебе легче видеть во мне врага, чем принять тот факт, что твоя сестра выбрала путь, на котором нет тебя. – Он умолкает. – Глория!

Я открываю глаза.

– Ты располагаешь моим временем, – повторяет Лев, – и моим вниманием.

– Кейси сказала, что если я попытаюсь изобличить вас, то ничего не добьюсь.

– Она права. Нам нечего скрывать.

– Тогда зачем вы вломились в офис «СВО»?

Лев хмурится.

– Прошу прощения?

– Не делай вид, будто ты не в курсе.

– Но я действительно не в курсе.

– Члены Проекта вчера вечером влезли в офис журнала и разгромили его, потому я здесь. Отзови своих чертовых псов.

– У тебя есть доказательства?

– А кому еще это нужно?

– Почему ты так уверена в том, что это сделали мы?

Я открываю рот и снова его закрываю.

Лев, повернувшись к раковине, закатывает рукава повыше. Включает воду и берет из груды грязной посуды тарелку. Весьма странно видеть его за таким банальным занятием, как мытье посуды. Так, мне нужно все-таки решить для себя: или он обычный мужчина, и подобное не должно меня удивлять; или он необычный мужчина и подобным унижает себя. Он обычный мужчина. Обычный. Мужчина. Глядя в окно, Лев моет тарелку, споласкивает ее и аккуратно ставит на сушилку. На улице уже не видно ни Фостера, ни малышки.

– У «Единства» много врагов, но мы никому не враги, – говорит он. – И я с самого начала знал, что наша сила – в крепкой вере, а нашей линией обороны станут дела, которые будут говорить сами за себя. Наша миссия не в том, чтобы заставить замолчать недоброжелателей, а в том, чтобы наши дела заявляли о себе громче них. «СВО» свободен писать что угодно, и мы не будем ему мешать. Мы просто продолжим делать свою работу. – Он поворачивается лицом ко мне. – Надеюсь, такой уважаемый и приверженный истине журналист, как Пол Тиндейл, приложит все усилия, чтобы любая написанная им о нас история была достоверной. Но, как бы то ни было, мы не вламывались в ваш офис. Подобное действо противоречит всему, за что мы ратуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов. Героиню зовут Би (англ. Bea) – «пчела». – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Новый Завет, Евангелие от Матфея, 16:25. «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее…» (синодальный перевод).

3

Специалист по продвижению бизнеса в социальных сетях, пиарщик.

4

Город в округе Уэстчестер, США, штат Нью-Йорк.

5

Новый Завет: Второе послание фессалоникийцам, 3:3 (синодальный перевод).

6

Социальный новостной сайт.

7

Футболка с длинным рукавом и воротником на пуговицах.

Купить: https://tellnovel.com/sammers_kortni/proekt

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити